

Вагим Пейнов

**ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО
КОРШУНА**

Шпионы. Дело №...

Вадим Пеунов

Последнее дело Коршуна

«ВЕЧЕ»

1957

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Пеунов В. К.

Последнее дело Коршуна / В. К. Пеунов — «ВЕЧЕ»,
1957 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-4283-4

В очередной том серии «Шпионы. Дело №...» входит роман классика советской приключенческой литературы Вадима Пеунова (1923–2020) «Последнее дело Коршуна» (1955). В праздничные ноябрьские дни 1952 года выстрелом в затылок убита следователь прокуратуры Нина Дубовая. Советские контрразведчики выходят на шпионскую организацию, среди участников которой иностранные агенты, выкормыши иезуитов, нечистоплотные дельцы. За их спинами тень неуловимого Коршуна – гестаповского агента и провокатора. Долгие десятилетия книга, рассказывающая правду о деятельности украинских националистов, находилась под фактическим запретом.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-4283-4

© Пеунов В. К., 1957

© ВЕЧЕ, 1957

Содержание

«Советская гуманность не может распространяться на врагов народа...»	6
С этого началось	10
«Не к брату»	12
Герой книги	19
Гость в широком сером пальто	25
Странная кража	28
Выстрел в упор	33
Первые шаги	35
Любовь требует жертв	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вадим Константинович Пеунов

Последнее дело Коршуна

© Пеунов В.К., наследники, 2023

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2023

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2023

«Советская гуманность не может распространяться на врагов народа...»

Постоянные читатели нашей серии могут подумать, что сюжеты и герои советских шпионских романов – плод писательского воображения, подкрепленного идеологическими установками, не имеющими никакого отношения к действительности. Сегодняшний автор и его книга убедительно опровергают подобное представление.

Вадим Константинович Пеунов родился 29 апреля 1924 года в Астрахани. Его отец – военный врач, мать – бухгалтер. Война настигла семью Пеуновых в городе Комсомольске Ивановской области. В январе 1942 года Вадим, приписав себе год, фактически сбежал в действующую армию. Писатель вспоминал:

«Мы не сразу попали на фронт. Наше первое задание было заготавливать сено. Видимо, готовились принимать большое количество скота. Мог выкашивать за сутки 45 соток. Был ударником.

Но тут началось наступление на Волгу. Бывалые фронтовики везли на телегах винтовки и патроны и скидывали нам, пацанам. А мы и винтовку-то толком заряжать не могли. Помню, попали в какой-то противотанковый ров. Заберешься наверх, едва успеешь стрельнуть – и сползаешь на брюхе под собственной тяжестью. Кругом – песок. И кровь. Половина одноклассников погибла в первом же бою».

Выжив в Сталинградской битве, Пеунов – уже десантник – готовился принять участие в форсировании Днепра:

«Затем полгода нас тренировали в лагере, где готовили десантников для высадки на печально известный Букринский плацдарм, юго-восточнее Киева. Это было накануне форсирования Днепра. По 15 раз в день мы прыгали на специальных тренажерах. Натренировали нас, в общем, хорошо. Вот только высадили плохо... Такое впечатление, что фрицы уже нас ждали. Почти всех, кто приземлился в заданном квадрате, перебили. Мне с группой ребят повезло, что нас ветром отнесло километров за 90 от Днепра. К реке пробивались человек пятьсот... Выжил, потому что в свои 14 лет переплывал Волгу. Месяца полтора с боями пробивались к своим. Выручило, что сумели добыть карту с расположением противника...»

Выход к своим ознаменовался очередной сменой ратной профессии. Дальше воевать Пеунову пришлось уже в артиллерии. Войну трудно за что-то хвалить, но старшему сержанту Пеунову она сделала неожиданный подарок. Советские войска освобождали западные области Украины. Неподалеку от Львова находится старинное село Пустомыты. В нём молодой артиллерист встретил девушку из культурной польской семьи – Стефанию Заячковскую. В годы нацистской оккупации она помогала партизанам из отрядов Ковпака: приносила им еду, снабжала информацией. Закончилась война. Демобилизовавшись, Вадим Пеунов приезжает в Пустомыты...

Перед молодой семьёй встаёт нетривиальная задача. Её глава хочет поступить в университет, имея за плечами лишь неоконченный школьный курс. Двадцатилетнему ветерану приходится сесть за парту. Следующая цель – журналистский факультет Львовского университета. И тут не обошлось без трудностей. Приёмная комиссия забраковала предоставленную на конкурс прозаическую работу Пеунова, посоветовав абитуриенту искать себя в другой сфере деятельности. На помощь пришла Стефания, с детства писавшая стихи. Пеунова, неожиданно проявившего поэтический «талант», принимают в университет.

Мирные дневные хлопоты сменялись тревожными ночами, когда на страшную охоту выходили так называемые «украинские патриоты». Понятно, что русско-польская семья привлекала их внимание. Зачастую приходилось дежурить возле тёмных окон, ловя любой подо-

зрительный звук, движение тени. К этому времени семья выросла: сначала родился сын Миша, затем дочь Лена. Не желая рисковать детскими жизнями, Пеуновы уезжают. Новый дом они находят на Донбассе. Молодой журналист устраивается на работу в крупнейшую газету региона – «Социалистический Донбасс». В чём-то повторяя свою фронтовую судьбу, Пеунов совершает резкий поворот и осваивает рискованную шахтерскую профессию проходчика. Параллельно, отрывая время ото сна и отдыха, он пишет дебютную книгу. Её первым читателем, строгим критиком и редактором была Стефания. Без помощи жены книга вряд ли бы состоялась. И здесь молодой автор вытянул свой второй счастливый билет. Путь к читателю оказался достаточно лёгким. В 1955 году «Сталинское областное издательство» выпускает «Последнее дело Коршуна». Роман заметили, через два года последовало переиздание. Кроме того, книгу перевели на ряд языков, включая китайский и арабский. Затем «Последнее дело Коршуна» на долгие годы пропадает с читательского горизонта. О причинах этого я ещё скажу, но сначала поговорим о самом романе.

От рук неизвестных бандитов погибает следователь прокуратуры Нина Дубовая, которая в годы войны сражалась в партизанском отряде. Основное место действия – условный город Пылков, – романский вариант Львова. Очень скоро становится понятным, что гибель Нины напрямую связана с драматическими событиями как прошлого, так и настоящего. Время действия чётко обозначено: ноябрь – декабрь 1952 года, что в целом нехарактерно для советских шпионских романов. На мой взгляд, это подчёркивает документальную основу романа, на которой всегда настаивал автор. Будучи молодым писателем, Пеунов немного похулиганил в тексте. У всех центральных женских персонажей романа неудачная личная жизнь. Так, Вероника Калинович, ставшая жертвой холодной, расчётливой игры женатого негодяя, с тоской вспоминает о подруге юности, которой «повезло»:

«Наверно, всю жизнь сердце будет тянуться к хорошей и большой любви. А ведь есть, есть на свете счастливые люди. И не далеко за примером ходить: Софья Заячневская, подруга детства и девических лет... Подруга оказалась счастливее Вероники. Ее муж – веселый молодой лейтенант – увез жену на Дальний Восток и помог ей окончить техникум».

Понятно, что «Софья Заячневская» – слегка замаскированная отсылка к жене писателя. В наши дни такой приём называют «пасхалкой», но, как видим, он активно использовался и семьдесят лет тому назад. Подобные шутки «для своих» немного оттеняют повествование, которое исполнено в довольно мрачных, тревожных тонах. Как первые читатели книги, так и те, кто возьмёт роман в руки сегодня, вряд ли будут долго гадать о том, кто скрывается под кличкой Коршун. Вариант один, и он будет правильным. В этом отношении книга Пеунова близка не к классическому детективу, а повторяет приёмы построения триллера с присутствием в тексте явных следов нуара. Читатель видит преступника, которого пока не замечают профессиональные следователи и сыщики.

Тревога, охватывающая при погружении в роман, имеет и внелитературный характер. Пеунов, описывая послевоенный Львов, создаёт картину, мягко говоря, нерадостную. Последователи УПА (Украинской повстанческой армии), ОУН (Организация украинских националистов)¹, нацистские прихвостни всех мастей, агенты иностранных разведок достаточно уверенно чувствуют себя в советском областном центре, занимая там нерядовое положение. Да, автор зримо смягчает, отводя им формально вторые роли в социальной иерархии: начальник областных культурных учреждений, директор комиссионного магазина, руководитель крупного курорта. Но, во-первых, эти позиции позволяют оказывать скрытое воздействие на многие стороны жизни: от низовой пропаганды до непосредственного воздействия на управленческую верхушку, которой нужно одеваться, лечиться и отдыхать. Во-вторых, в сознании читателя кар-

¹ Организация запрещена на территории РФ.

тина неблагополучия существенно расширяется, включая те сферы (партийные органы, милиция, образование), которые нельзя было назвать по соображениям цензуры.

В романе есть сцена, предвосхищающая то, что мы увидели совсем недавно, когда бывшие высокопоставленные партийные чиновники превратились в отпетых националистов:

«К зданию курорта он подошел уверенным, хозяйским шагом. Возле дверей красовалось огромное объявление:

«Сегодня в помещении кинотеатра санатория
будет прочитана лекция на тему:
«УКРАИНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ —
ВЕРНЫЕ СЛУГИ АМЕРИКАНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
РЕАКЦИИ».

Читает действительный член Общества по распространению политических и научных знаний М.Л. Сидоров».

Показательна реакция врага: «Виталий Андреевич, прочтя объявление, улыбнулся». Вскоре выясняется, что «действительный член» на самом деле активный член бандеровского подполья. Улыбался Виталий Андреевич, как показала история, не зря.

Судьба романа оказалась непростой. Напомню, что первое издание вышло в 1955 году. В этом же году вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Его продал Хрущёв. Некоторые формулировки указа просто шокируют. Цитата из 7-го пункта документа: «Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период».

Согласно указу были освобождены десятки тысяч украинских националистов. Им было позволено вернуться в места своего прежнего проживания, возвращено – небывалый случай для советского права – конфискованное имущество. За полтора года до того Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР...

Трудно сказать, чем руководствовался Хрущёв, принимая подобные решения. Сыграли свою роль скрытые симпатии к украинским националистам? Скорее всего. Было это следствием общей недалёкости Никиты Сергеевича? Несомненно. Пытался он тем самым заручиться поддержкой влиятельной украинской партийной номенклатуры? Вполне возможно. Но вероятнее, перед нами ситуация, когда все три аргумента определили выбор первого лица партии и государства.

В такой ситуации отрицательные персонажи Пеунова, очищенные от претензий со стороны советской юриспруденции, получали шанс заново выстроить свою жизнь и судьбу. Они её и выстроили...

К середине 1970-х Вадим Пеунов – член Союза писателей, автор многих книг. Назову некоторые из них: «Друзья и враги» (1958), «Любовь и ненависть» (1961), «Чекист Аверьян Сурмач» (1969), «В обнимку с ветрами» (1972)... Попытка переиздать «Последнее дело Коршуна» обернулась фактическим запретом книги. Думаю, что причины этого объяснять не нужно.

Трагический символизм истории заключается в том, что роман, предупреждающий об опасности украинского национализма, вышел именно на донецкой земле, которая через шестьдесят лет снова приняла на себя удар. Мы верим и знаем, что и на этот раз враг будет разбит, победа будет за нами. Очень важно, чтобы ядовитые семена ненависти были уничтожены навсегда.

Думаю, что читатели обратили внимание и на другой частный символизм сегодняшнего выпуска. 29 апреля этого года Вадиму Пеунову, согласно его официальным документам, исполнилось сто лет. Продолжая добрую традицию нашей серии, мы отмечаем эту дату неофициально самым важным и нужным для писателя и его памяти способом – книгой. Автор предисловия благодарит дочь писателя Наталью Вадимовну Пеунову-Шопину за консультации и представленные сведения.

М.В. Хлебников, кандидат философских наук

С этого началось

Полковник Иванчиков инструктировал оперативных работников своего отделения:

– Некоторое время тому назад наше управление было предупреждено, что в связи с общезвестными событиями ожидается оживление деятельности остатков разного рода диверсионных групп в западных областях Украины. В основном это гитлеровские агенты, которые прекратили свою деятельность после разгрома «третьей империи», а поэтому до сих пор не были обезврежены.

Вы сами понимаете, – обратился полковник к офицерам, – что я вызвал вас не для того, чтобы сообщить эти уже известные вам истины. Дело в том, что в связи с этим решено в Рымниках и у нас, в Пылкове, еще раз перепроверить бывшие гестаповские архивы. К разбору их привлекаются участники партизанского движения, солдаты и офицеры частей, стоявших гарнизонами в западных областях, – словом, люди, которые могут оказаться нам полезными.

Полковник внимательно посмотрел на каждого из офицеров. Ближе всех к столу сидел выпускник училища младший лейтенант Звягин – высокий, с мальчишески тонкой талией, пухлыми губами и ярко-синими озорными глазами.

Рядом со Звягиным – лейтенант Сокол. Слушая полковника, он машинально крутил в руках коробку спичек. Это был способный оперативный работник, который считал своим учителем капитана Долотова.

Капитан Долотов был третьим офицером, присутствовавшим на совещании. Потомственный волжанин, он имел самую невзрачную внешность. Сутуловатый, среднего роста. Волосы редкие, светлые. Голос тихий. Но лоб большой, покатый и глаза – глубокие, умные, печальные. Сухощавый подбородок вытянулся клинышком, отчего все лицо чем-то напоминало москвитянина со старинной русской гравюры. Обладая снайперским терпением, капитан умел скрупулезной работой, казалось бы, из ничего добывать мелочи, которые всегда безошибочно приводили к разрешению самых запутанных вопросов. Тонко разбираясь в психологии, он обладал даром располагать к себе людей. По методике работы его можно было назвать человековедом.

Младший лейтенант одернул гимнастерку.

– Младший лейтенант Звягин, вы хотите что-то сказать?

– Книга писателя Лимаренко «Дорогою подвига» построена на фактическом материале. Там много места уделено Нине Дубовой и Виталию Дроботу. Мне кажется, стоит привлечь их к разбору архива.

– Это верно. Но хочу вас сразу предупредить, что к подбору кандидатур надо подходить особенно осторожно. Прежде чем привлечь кого-либо к разбору архива, мы будем тщательно проверять. Но кандидатура Дубовой вполне подходит. Она давно состоит у нас на специальном учете. Я знаю ее по совместной работе. Это коммунист кристальной чистоты. Дробота, к сожалению, знаю только как героя книги и директора областного Дома народного творчества. О нем подумаем. Кто еще хочет что-нибудь предложить?

Встал капитан Долотов.

– По-моему, будет целесообразно обменяться с Рымниковским управлением теми сведениями, которые уже стали известными при разборе архива.

– Хорошая мысль. Мы можем даже послать к ним нашего представителя. Еще?.. Все? Тогда перехожу к другому вопросу.

Полковник вынул из папки фотографию и протянул ее Долотову:

– Присмотритесь к этому лицу. Кто из вас видел его раньше?

Капитан внимательно рассматривал фотографию худощавого мужчины с глубоко запавшими закрытыми глазами.

Затем карточка перешла в руки Сокола и Звягина. Но никто не мог ничего сказать об этом человеке.

– Ну что ж, я и не ждал, что вы его опознаете, – успокоил Иванилов своих подчиненных. – История его такова. 12 октября в Римниках в одном из буфетов поскандалили двое выпивших. Вызвали милиционера. Когда дежурный подходил к буфету, оттуда стремительно вышел какой-то человек. Милиционер, решив, что это один из скандалистов, остановил его. Тот бросился бежать. Заметив, что его преследуют, он выхватил пистолет и выстрелил несколько раз в милиционера. Тому тоже пришлось применить оружие. В перестрелке неизвестный был ранен в спину. Пуля задела позвоночник, нарушила центральную нервную систему. Сейчас этот раненый лежит в госпитале в тяжелом состоянии. Для спасения его жизни будет сделано все возможное, но за исход врачи не ручаются. Сами понимаете, что допросить его пока нет никакой возможности. При нем были обнаружены деньги, справка Первого отделения милиции города Пылкова, что гражданин Замбровский заявил о пропаже своих документов, трамвайный билет и пистолет американского образца выпуска 1951 года.

Вспомним теперь о другой истории, хорошо известной вам. Я имею в виду двух парашютистов, сброшенных месяц тому назад на территорию нашей области. Один из них, как вы помните, был убит, другому удалось скрыться. При убитом обнаружена значительная сумма советских денег, кое-какие документы и пистолет американского образца... выпуска 1951 года.

Как видите, события развиваются столь стремительно, что требуют от нас самых срочных действий. Вне всякого сомнения, что в наши руки попала нить, которая ведет к шпионско-террористической банде. Центр ее, по-видимому, в Пылкове, а филиал где-то в Римниках. Дело поручается вам, капитан. Лейтенанту Соколу предлагаю заинтересоваться трамвайным билетом. Необходимо установить день, час и, хотя бы ориентировочно, место, где Замбровский мог сесть в трамвай. Весьма возможно, что где-то в этом районе находится квартира-явка. Майор Наливайко и младший лейтенант Звягин останутся пока в резерве.

– Товарищ полковник, в этой истории есть интересная деталь. Замбровский, имея в кармане справку, которая вполне могла оправдать его в глазах милиционера, все-таки трусил и бросился бежать. Но в Пылкове он явился в милицию, пытаясь стать на легальное положение, – поступок в его положении очень смелый. По-моему, он сам не решился бы на это. Его заставил это сделать инициативный и хладнокровный человек. Весьма возможно, что он-то и является резидентом.

Иванилов внимательно выслушал капитана.

– Мы к этому еще вернемся. Я считаю, что, пока Сокол проверяет трамвайный билет, вам необходимо побывать в Римниках по поводу разобранных архивов. Кстати, посетите Нину Владимировну Дубовую. Она работает следователем областной прокуратуры. Было бы очень полезно привлечь ее к разбору нашего архива, если ее еще не привлекло Римниковское управление.

– Когда прикажете отправляться?

– Не позже завтрашнего утра.

«Не к брату»

Дверь в кабинет следователя по уголовным делам Дубовой бесшумно приоткрылась, и посыльная сообщила:

– Нина Владимировна, вас междугородная вызывает.

Дубовая подняла голову на громкий шепот посыльной и улыбнулась. Ее улыбка, похожая на вспышку мягкого теплого света, озарила большие серые глаза под густыми бровями, четкую линию рта с темным пушком над верхней губой, крутой овал подбородка с рельефной ямочкой.

– Что там случилось?

– Из Пылкова звонят.

Дубовая с шумом отодвинула полумягкое кресло и тряхнула головой, откидывая с высокого лба упругие завитушки волос.

В кабинете прокурора ее ждала снятая с рычага телефонная трубка.

– Следователь Дубовая слушает... – Но тут же ее голос потеплел. – А... это ты, Виталий... Я сама хотела тебе звонить... Ну слушаю...

Она долго вслушивалась в отдаленные звуки знакомого голоса. Но вот лицо ее опечалилось.

– Сейчас не могу. Подожди немного... Да ты не сердись. Я знаю, что он и тебе нужен. Но пойми... Меня пригласили помочь разобраться в одном архиве. А дневник поможет мне припомнить кое-что из нашей партизанской жизни... Я тебе его сама привезу. Когда? Возможно, что перед ноябрьскими праздниками. Меня один старый знакомый в гости приглашает, и для него дневник будет небезынтересен.

Собеседник, должно быть, одобрил план Нины Владимировны, потому что она спросила:

– Так, значит, подождешь? Если я не приеду, то вышлю.

Дубовая повесила трубку и вернулась в свой кабинет. Но почти тотчас же в дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, порог переступил Леонид Алексеевич Валуев, один из сотрудников прокуратуры.

– Здравствуйте, Нина Владимировна! Я к вам уже заходил, но не застал.

– Здравствуй, Леня, – приветливо отозвалась Дубовая. – Ты уже просмотрел бумаги Кировского колхоза?

– Да. Мы, наверное, опять вместе поедem в Яблонивку. Дело несложное. До октябрьских праздников еще двадцать дней. Думаю, управимся.

– Должны управиться. Но мне кажется, что там дело не только в неправильном начислении трудодней.

– А что вы еще обнаружили?

– Вот кончу читать, – указала Дубовая на ворох бумаг на своем столе, – тогда и поговорим. Но только... смогу ли я поехать?

– А что вам может помешать?

– Предложили одну очень серьезную работу. Она, возможно, повлияет и на мою диссертацию.

– Но ведь диссертация у вас окончена. Неужели в третий раз будете переделывать?

– Боюсь, что придется. Богатейший материал попадает в мои руки. Вот справлюсь ли только?

– Конечно, справитесь! – уверенно ответил Валуев. Он помолчал. И без всякой связи с предыдущим спросил: – Нина Владимировна, вы вечером заняты?

– Опять билеты в кино взял?

– Взял.

– Не хочется мне тебя огорчать.

- Нина Владимировна! Это же «На дне». Мхатовский спектакль.
 - Мхатовский, говоришь? – Дубовая перевернула бумаги. – Придется, видно, пойти.
 - Вот и хорошо. Дочитывайте, а я побегу за билетами.
 - Так ты еще не купил? Тогда...
- Но Валуев уже выбежал из кабинета.

* * *

Трамвайный билет в руках опытного работника – это след в нужном направлении. Капитан рекомендовал лейтенанту Соколу начать поиски с трамвайного управления.

– Потолкуйте с начальником службы движения Попковым. Это старый балтийский матрос, коммунист с дореволюционным стажем.

Сокол так и сделал.

Трамвайное управление размещалось в конце города. Лейтенант без труда добрался до него и нашел конторку начальника службы движения. Попков, высокий старик с гладковыбритым подбородком, распекал кого-то по телефону за то, что тот «вышел из графика». В конторке было много народа, и бывший моряк не обратил внимания на вошедшего Сокола.

Пообещав кому-то «срезать прогрессивку», Попков бросил на рычаг трубку и повернулся к пареньку в телогрейке:

– Давай, Гриша, выезжай. Скоро люди с работы пойдут. Каждому надо поскорее домой добраться. А на этом маршруте уже второй вагон в тупик загнали.

Лейтенант попал, должно быть, перед сменой. Попков рассылал людей. Звонил. Ругался. Сулил «накрутить хвоста». Сокол терпеливо ждал. Наконец в конторке остались только он и Попков.

– Вы ко мне, молодой человек? – спросил лейтенанта начальник службы движения.

– К вам. Моя фамилия Сокол.

– А, Сокол! – подобрело лицо Попкова. – Знаю, знаю, по какому делу вы пришли. Мне уже говорили об этом. Ну давайте ваш билет.

Лейтенант достал из кармана пиджака увеличенную копию билета. Попков положил ее на стол и разглядел рукой.

– Этот надрыв сделан на том же месте, что и в билете? – спросил он, показывая на цифру «5», которая стояла внизу билета за рамкой.

– Копия самая точная, – заверил Сокол.

– Это хорошо. По серии билета мы определим, какого числа он был выдан и на каком маршруте использован. По номеру приблизительно можно определить время выдачи. Кондуктор ведь записывает номера на каждой конечной остановке. А вот цифра, по которой разорван билет, укажет участок остановки «от и до».

Попков куда-то позвонил – «я тут, выйду», – кого-то предупредил «через минуту вернусь» – и вышел. Вернулся он минут через десять, и не один, а с широколицей женщиной, одетой в форменную шинель и серый платок.

– Ну, молодой человек, получайте свой билет обратно... Это контролер, – указал он на женщину. – Она работает на том маршруте, который вас интересует. Билет был реализован 10 октября на кольцевом маршруте, около девяти часов вечера. Остальное вам расскажет сама тетя Шура.

Тетя Шура была явно смущена. Она посматривала то на Попкова, то на Сокола.

– Вы не сможете, хотя бы ориентировочно, сказать, на какой остановке пассажир мог взять этот билет и где мог выйти?

– Могу. Надо будет посмотреть мои маршрутные листы, – оживилась контролер, доставая из сумки свои бумаги. – Вот. В двадцать один тридцать. Я на этом маршруте записала

билет № 6842376. Это было на остановке «Почтамт». Ваш билет № 6842371, его реализовали между остановками «Водная станция» и «Почтамт». В половине десятого трамваи ходят почти пустые, и кондукторы обилечивают пассажиров без задержки.

Узнав, где сел Замбровский, лейтенант решил обследовать район водной станции.

От проспекта Коммунаров к водной станции и оттуда к почтамту трамвай поднимается в гору по длинной улице Коцюбинского. На протяжении всего этого большого маршрута не было ни одной боковой улицы, если не считать тупика Песчаного, который оканчивался воротами водной станции. От проспекта Коммунаров до почтамта вдоль всей улицы Коцюбинского тянулись учрежденческие дома, и только в тупике Песчаном было одиннадцать двухэтажных жилых домов.

С восьми утра до семи вечера на остановке «Водная станция» садились и выходили десятки рабочих и служащих. После семи вечера к трамвайной остановке могли выйти только из тупика Песчаного. Летом, когда работает водная станция «Медик», в тупике оживленнее, чем на центральной улице. Зимой здесь никто не появляется.

Когда Сокол рассказал обо всем этом капитану, Долотов поздравил своего ученика:

– Вы почти точно определили место, где искать квартиру-явку. Она где-то в одном из этих одиннадцати домов. Что ж, лейтенант, продолжайте поиски дальше. Необходимо установить, в каких квартирах с 26 сентября по 12 октября проживали или просто ночевали посторонние, не взятые на учет и непрописанные. Возьмите в помощь младшего лейтенанта Звягина. А когда что-нибудь найдете, для наблюдения еще выделим людей. Ну, желаю удачи.

* * *

Над массивными, кованными бронзой дверями областной прокуратуры висит огненный транспарант: «Да здравствует XXXV годовщина Октября!»

Праздничный вечер в прокуратуре окончился. Тяжелая дверь бесшумно выпускает на улицу радостно оживленных людей.

– Так я провожу вас, Нина Владимировна?

Дубовая вздохнула:

– Мне, Леня, надо побыть одной.

– Вовсе вам не надо быть одной. – Валув решительно взял ее под руку. – Что вас мучает? С недавнего времени вы стали совершенно неузнаваемой. Неужели вам не с кем поделиться вашей печалью?

Дубовая ответила не сразу. Ее лицо при матовом свете уличных фонарей выглядело усталым, даже скорбным.

– Жизнь меня обманула, Леня.

– Вы не похожи на человека, который подчиняется событиям. У меня всегда было убеждение, что вы строите жизнь такой, какой она вам нужна.

– Какой ты все-таки романтик! Двадцать девять лет, а восхищаешься как мальчишка...

Леонид Алексеевич не отважился продолжать. В ее словах ему почудился упрек. Но в чем? Он осторожно вел спутницу, принаравливая к ней свой шаг.

Нина Владимировна заговорила сама:

– Помнишь, Леня, ты как-то рассказывал о том, как ваша рота попала под огневой вал своих же орудий. То ли вы поторопились, то ли артиллеристы напутали... Как это было?

Удивленный вопросом, он искоса взглянул на нее. Зачем это ей нужно? И неуверенно начал:

– Наша рота шла в атаку за огневым валом...

– Подожди, подожди, – перебила его Нина Владимировна. – Я не то хотела спросить. О чем ты думал в это время? Что чувствовал? Вот бывает во сне... Поднимаешься на высокую

гору. И не один. Тебе кто-то помогает. Еще два шага – и ты на вершине, освещенной солнцем. Вдруг... спутник исчезает, и ты летишь в пропасть... Летишь и чувствуешь, что сейчас разобьешься об острые камни... Бывало такое с тобою?

– Нина Владимировна, – Валуев остановил свою спутницу. Заглянул ей в глаза. – Поделитесь со мною вашими мыслями!

– Страшные они, Леня. Зачеркивают прошлое, а может быть, и будущее. Я им... еще и сама не верю.

– Любое горе вдвоем всегда переносить легче. А я все время... – но, взглянув в окаменевшее лицо Дубовой, Леонид Алексеевич осекся. Такие глаза он видел только у человека, раненного смертельно.

Вот и улица Стефаника. Темная, узкая, как и большинство улиц в Римниках, похожая на коридор без крыши, освещенная редкими газовыми фонарями, повсюду ставшими музейной редкостью, но почему-то еще сохранившимися в этом большом городе.

– Невеселая улица, – проговорил Валуев.

– Только осенней ночью. А летом она преобразается в зеленую аллею. И здесь всегда полно ребятишек.

Они остановились у подъезда. Дубовая достала ключ и вставила его в замочную скважину.

– Нина Владимировна, я давно хочу вам сказать...

– Прости, Леня. Уже поздно. Я устала. – Она нашла его руку, мягко пожала ее, и Леонид Алексеевич вынужден был опять отложить разговор, к которому готовился столько времени.

Несмотря на поздний час, пани Полонская, как называла себя старая полячка, еще не спала. Прежде чем открыть дверь, она долго смотрела в глазок. Дубовая терпеливо ждала окончания неизбежной процедуры.

– Цо так скоро? Юш по свенту?² – спросила хозяйка, пропуская Нину Владимировну в переднюю.

– Да, уже...

В крошечной комнате, которую пани Полонская упорно называла гостиной, все было вычищено до блеска. Маленький диванчик – странное смешение всевозможных стилей, – столь же древний, как и его обладательница, – был покрыт накрахмаленным чехлом; старинный полуразвалившийся шкаф сиял полировкой; буфет улыбался стеклами и пестрыми тарелочками; лихой улан, как всегда, браво посматривал с большой фотографии на стене.

На столе, на белой штопаной скатерти, стояла сахарница – пузатый китайский мандарин, потерявший за долгие годы службы свою шапочку вместе с головой, – и огромная синяя чашка с недопитым чаем. И безголовый мандарин, и синяя чашка появлялись только в особо торжественных случаях.

Хотя в квартире было тепло, Нина Владимировна накинула на плечи пуховый платок.

– Я бы тоже чаю выпила. У нас, кажется, была бутылка портвейна. Давайте ее сюда. Сегодня большой праздник, пани Полонская.

– Так, так... большой праздник.

– Вот мы его и отметим.

Пани Полонская захлопотала возле буфета:

– Я сейчас, сейчас...

Женщины засиделись до утра. Нина Владимировна молчала, думая о чем-то своем, а ветхозаветная старушка рассказывала – в который уже раз – о платьях, сшитых ею для графини Замойской, и о том, какой фурор производила в них вельможная пани среди своих поклонников.

² Праздник уже окончился? (польск.)

Вот чихнул не выключенный с вечера репродуктор. Маленькую комнатку залила мелодия Гимна. Мимо окна с песней прошла ватага веселых людей. Должно быть, с праздничного вечера. В небесной выси, кутаясь в сумерки, начали мигать угасающие звезды.

Пани Полонская задремала в старомодном кресле. Сквозь дрему она слышала, как Нина вышла из комнаты. На какое-то мгновение перед нею все затуманилось, и она вдруг увидела Нину в платье графини Замойской...

Очнулась Полонская от тонкого звона ложки в стакане.

– А? Кто то? – всполошилась хозяйка.

– Это я, пани Полонская. Поздно уже. Давайте провожу вас в спальню. Да и я устала.

Так начался день. Встали поздно. Днем Нина сидела у себя. Заглянув несколько раз в комнату своей жилицы, Полонская видела, что Нина читает какие-то листы, отпечатанные на машинке.

За обедом пани Полонская рассказывала о том, как ее отец – улан Кшетинский (ее девичья фамилия Кшетинская, это по мужу она Полонская) восставал вместе со всеми поляками против царя.

Обычно Нина с удовольствием слушала эти рассказы, похожие уже на сказку, расспрашивала о подробностях и беззлобно посмеивалась над приключениями отчаянного улана. Но сегодня они не занимали ее.

Полонская осторожно спросила:

– Нина больна?

– Нет, пани Полонская.

– Может, Нину кто обидел?

– Нет.

– А почему Нина грустит?

– Я просто устала.

«Воспаленные глаза, рассеянность – нет, это не усталость». Никогда Полонская не видела такой «дочку Нину», как она привыкла называть свою квартирантку. Она подошла к Нине и пригладила морщинистой рукой ее короткие локоны.

– Напрасно Нина не хочет сказать о своем горе старой женщине, которая ее любит, как родную дочь. Нине чуть больше тридцати лет. Может быть, она кого-нибудь полюбила? Я сама когда-то была молодой и тоже любила.

В ответ Нина привлекла к себе маленькую старушку и поцеловала. От этой ласки на черных старческих глазах блеснули непрощенные росинки. «Сглазили», – решила про себя полячка и незаметно для «дочки» перекрестила ее спину.

– Пани Полонская, успею я на поезд? – вдруг оживилась Дубовая. – Я поеду в Пылков, – метнулась Нина Владимировна в переднюю. Достала пальто и остановилась.

– Поезжай, – одобрила старушка, – может быть, легче станет твоему голубиному сердцу. Ты к брату?

– К брату? Нет... не к брату.

В голосе Нины пани Полонская уловила что-то странное. «Вот напасть, – перекрестилась она. – К кому же тогда, если не к брату?» Никогда раньше она не замечала за Ниной ничего плохого. Правда, месяца четыре назад был один случай. Нина пришла с работы поздно вечером не одна, а с каким-то мужчиной. Пани Полонская было оскорбилась за Нину. Но Ян, как звали этого человека, при встрече поцеловал руку хозяйки, говорил с нею по-польски, вел себя благородно. На ночь она его устроила в комнате Нины, а Нина перешла к Полонской. Утром он ушел и с тех пор не появлялся.

Вспомнив об этом, пани Полонская по-своему объяснила беспокойство дочери.

– Если не к брату, то, может быть, ты к своему... к Яну? – допытывалась она.

Нина грустно покачала головой:

– Если бы вы только знали, как мне сейчас тяжело. Я так ошиблась... так ошиблась...

Она закрыла глаза рукой. Какое-то мгновение Полонской казалось, что Нина теряет сознание и падает. Но нет. Нина опустила руку и заставила себя улыбнуться, чтобы успокоить встревоженную хозяйку.

– Я же опоздаю!

Она присела около этажерки, вытащила из-под стопки книг какую-то тетрадь и сунула ее в сумочку.

– Чуть самого главного не забыла.

Запирая за Ниной дверь, пани Полонская подумала: «И я была молодой. Брат братом остается, а женское сердце хочет и другой любви».

Дождь, по-осеннему надоедливый, мелкий и густой, омывал улицы. Через полчаса вымокшая до нитки Нина Владимировна была на вокзале. Около кассы возбужденно шумело несколько человек. Над закрытым окошечком виднелось объявление: «На поезд № 83 все билеты проданы».

Нина Владимировна кинулась к начальнику станции. Показывая свой депутатский мандат, она просила:

– Всего один билет! У меня срочное дело.

Но и в кассе брони билетов уже не было.

На выходе из здания вокзала ее чуть было не сбил с ног мужчина. Он торопливо извинился:

– Простите... На московский опаздываю. Не ушел еще?

– Нет, но билеты все проданы, – ответила Нина Владимировна.

– Ух, а я-то боялся. Билет у меня есть. Даже один лишний. Приятель не поехал.

– Лишний?! – с надеждой переспросила Нина Владимировна. – А вы мне его не уступите?

– Сделайте одолжение, – обрадовался тот в свою очередь. Он поставил чемоданчик, достал из кармана два билета и один из них протянул Нине Владимировне: – Мягкий вагон... седьмое место.

Она раскрыла сумочку, но спутник заторопился:

– Опаздываем. Берите свои вещи, и в вагон. Там успеете расплатиться.

В купе он помог ей снять намокшее пальто и повесил его на складные «плечики», оживленно приговаривая:

– Незаменимая вещь для командировки. Вот так. Теперь, пока мы доедем, ваше пальто высохнет. Вам далеко ехать?

– В Пылков.

– Скажите, пожалуйста! Я тоже в Пылков. Давайте знакомиться. Все-таки вместе ехать почти семь часов. – Он представился: – Стефан Мартынович. Юрист.

– Нина Владимировна. Тоже юрист.

Узнав, что Нина Владимировна три года назад окончила Пылковский юридический институт, а сейчас работает следователем в Рымниках, Стефан Мартынович обрадовался:

– В таком случае у нас с вами, наверно, есть общие знакомые и в Рымниках, и в Пылкове. Общие знакомые, конечно, нашлись.

Стефан Мартынович оказался веселым, общительным человеком. Он организовал чай и легкую закуску, смешил соседей по купе, рассказывая разные забавные истории из своей жизни, с увлечением играл в подкидного дурака, искренне огорчаясь проигрышу и шумно радуясь выигрышу. В обществе такого спутника невольно забываются все горечи и печали.

У Стефана Мартыновича были живые глаза, пышная грива черных волос, которую он то и дело откидывал назад привычным движением руки. Только длинный хищный нос странно не гармонировал со всем его добродушным обликом.

На вокзале в Пылкове Стефан Мартынович вышел вместе с Дубовой на крытый перрон.

– Куда прикажете вас проводить?

– Благодарю. Я сама доберусь.

Он вежливо поцеловал протянутую руку.

– До свидания. Надеюсь, что встретимся. – Не выпуская из своей ладони теплой женской руки, он еще раз спросил: – Может быть, все-таки проводить?

– Нет, нет. Благодарю.

Он поднял воротник широкого серого пальто, надвинул на глаза шляпу и шагнул навстречу осеннему дождю.

Дубовая осталась одна.

Герой книги

С утра в доме Куреневых царила невообразимая суета. Зиночка снаряжалась на праздничный вечер, где могли быть люди, которых она раньше видела только на трибуне. Пригласил ее туда Виталий Андреевич, бывший партизан, герой книги «Дорогою подвига», ее непосредственный начальник. Зиночка ни минуты не могла посидеть спокойно и веселым шариком металась из комнаты в кухню и обратно, наполняя маленькую квартиру шумом, суетой, смехом. С помощью старых щипцов она подновила завивку своей рыжеватой шевелюры. Чтобы приобрести томный вид и «таинственный блеск в глазах», она проглотила ложку уксуса. Но уксус, очевидно, не помогал. Щеки ее цвели полевым маком, зеленые глаза горели задором, приплюснутый носик смешно раздувался, выдавая веселый, простодушный характер.

– Ой, мамочка, родненькая, миленькая, скорее! – жалобным голосом просила она. – Виталий Андреевич вот-вот придет. А он не любит, когда опаздывают.

Ее мать, маленькая, худенькая женщина, подвижная, как и сама Зиночка, добродушно подтрунивала над дочерью:

– Да знаю, знаю. Все уши уже прожужжала.

– Мамочка, он же герой!

– Да уж на твоём Виталии Андреевиче весь свет клином сошелся.

– Нет, я, кажется, действительно опоздаю, – не унималась Зиночка.

– Не спеши в Лепеши, в Сандырях ночуешь. – Пелагея Зиновьевна сняла с рукава пальто высохшую под утюгом тряпку. – Вот и готово. Можешь надевать.

– А платье гладить?

– Новое-то? Это зачем же?

– Все равно надо подправить.

Но, как она ни торопилась, уверенный стук в дверь застал Зиночку еще не готовой.

– Мама, мама! – заволновалась девушка. – Это они! Откройте, а я быстренько... – и шмыгнула из кухни в комнату.

Пелагея Зиновьевна открыла дверь, и в кухню ворвалась шумная ватага веселых людей.

– С праздником, мамаша!..

– С праздником!..

– А где же Зиночка?

– Где она? Там?

Пелагея Зиновьевна не успела ответить, как один из гостей – высокий, красивый, в котором мать по описанию Зиночки сразу узнала Виталия Андреевича, – тремя шагами перемахнул кухоньку и взялся за ручку приоткрытой двери.

– Сейчас я раздобуду эту злодейку.

Приехавшая тоненькая женщина с комическим ужасом бросилась за ним.

– Виталий Андреевич! Разве можно? А вдруг она не одета.

Дробот изобразил на лице раскаяние, опустил руки по швам, как нашаливший школьник, и смиренно потупил глаза.

– Виноват, Вероника Антоновна, по младости, по глупости... Велите миловать.

– Что с ним делать, Павел Михайлович? – легко, как балерина, повернулась Калинович ко второму спутнику. – В самом деле, что ли, помиловать ради праздника? Так и быть, – она кокетливо улыбнулась Виталию Андреевичу. – Но если вы опять будете плохо вести себя, то, честное слово, пожалуюсь Марии Васильевне.

Дробот продолжал разыгрывать смирение:

– Исправлюсь. Подрасту и исправлюсь.

Пелагея Зиновьевна молча наблюдала за этой сценой. Виталий Андреевич дурачился и заигрывал с Вероникой – или как ее там? – и слава богу, что с ней, а не с Зинаидой. Такой ухарь кому хочешь голову заморочит.

Зиночка появилась перед гостями во всем блеске. Вероника Антоновна даже всплеснула руками.

– Хорошо! Очень хорошо, – крутила она Зиночку во все стороны. – Где ты шила? И складки у плеча, и вышивка – все к месту. Прелестно! Только зачем ты шею закрыла? В твоём возрасте я делала декольте...

Она хотела показать, какой вырез делала лет пятнадцать назад, но тут вмешались мужчины.

– Вероника Антоновна! Опаздываем, – застонал Павел Михайлович.

– Округляйте, округляйте сборы, – поддержал его Виталий Андреевич.

Вероника Антоновна одарила всех чудесной улыбкой, блеснув ровными, будто фарфоровыми зубами. Все в этой женщине было маленькое, подобранное и слегка искусственное. Длинные, загнутые ресницы. Пышные, почти естественные локоны, падавшие на плечи из-под модной шляпки; тонкие полукружия бровей и яркие, цвета моркови губы.

– Мы уже готовы!

Виталий Андреевич помог Зиночке надеть пальто. Возле дверей он бросил взгляд на ее ноги:

– А боты! В своих лаковых пропадешь.

Совет оказался уместным. На улице им в лицо дохнуло мокрым холодом.

– Собачья погода, – пробурчал Виталий Андреевич, отворачиваясь от ветра.

На земле был праздник. Дома сверкали огнями. Сквозь слезившиеся окна прорывались песни и звуки баянов. Несмотря на дождь, по улице сновала масса прохожих.

А в хмуром небе доживала свой век нудная осень. Угрюмые тучи прижимались к самой земле и роняли мелкие, частые слезинки на сияющие дома, на радостно возбужденных людей. Вода омывала крыши, тротуары и мутными потоками мчалась по каменной мостовой, проваливаясь сквозь решетки водостоков.

* * *

Веселая компания наполнила шумом квартиру заведующего промышленным отделом обкома партии. Николай Севастьянович, здороваясь с гостями, шутливо упрекнул их:

– Дом народного творчества без опозданий не может. Порядочные люди уже давно первый бокал осушили.

Пропустив гостей в столовую, он задержал Виталия Андреевича в коридоре:

– А почему Мария Васильевна не приехала?

– Ты же знаешь, она стойкая домоседка. Звал, не пошла. Да и Татьяну не с кем оставить. Домработница уехала в деревню.

– Напрасно ты без жены. И дочка не помешала бы. Может быть, съездить за ними?

– Ерунда. Не поедет, да еще и обидится. Я, мол, говорила, а ты свое.

– Ну, тебе видней, – неохотно согласился Николай Севастьянович.

Виталий Андреевич дружески потрепал его по плечу:

– Не делай из этого истории. Пойдем. В компании секретов не бывает. Гости могут обидеться, – и он первым прошел в комнату, навстречу приветливо улыбавшейся хозяйке.

Вечер удался на славу, – так, по крайней мере, казалось Зиночке. Справа от нее сидел лейтенант с ниточкой черных усов над тонкой верхней губой. Но, отвечая на шутливые вопросы своего соседа, Зиночка не переставала смотреть на Виталия Андреевича, сидевшего напротив нее, рядом с Вероникой Антоновной.

Сегодня он был в ударе. Его рассказам, шуткам, остротам не было конца. Принимая самое деятельное участие в общем веселье, он ни на минуту не переставал игриво ухаживать за своей соседкой. Следил, чтобы у нее не пустовали рюмка и тарелка. Должно быть поэтому раскрасневшаяся Вероника Антоновна смеялась особенно охотно. Вот Виталий Андреевич, наклонившись к ее уху, начал что-то нашептывать. Калинович громче обычного смеялась, отрицательно качая головой и заслоняя ладонью свой бокал.

Зиночка немного завидовала Веронике Антоновне и не могла понять, как можно в чем-то отказывать, если на тебя так смотрят его глаза.

Виталий Андреевич все продолжал говорить что-то. Теперь его лицо казалось обиженным. Вероника Антоновна тоже перестала улыбаться. Она сняла руку с бокала и рассеянно теребила тонкую нитку жемчуга на черном шелке платья.

Видимо забыв, что он уже налил из одной бутылки, Виталий Андреевич долил бокал своей дамы из графина, в котором плавали корочки лимона.

Заиграла музыка. Услышав звуки вальса, Дробот встал, отодвинул свой стул и широким жестом протянул руки соседке:

– Первый вальс, Вероника Антоновна?

Он легко кружил свою даму, ни на секунду не замедляя движения. Танцуя с лейтенантом, Зиночка следила глазами за этой парой.

Танец сменялся танцем. Вероника Антоновна, должно быть, устала. На ее лице появились тонкие морщинки, углы губ вяло опустились.

– Больше не могу.

Первая волна всеобщего веселья схлынула, и гости вновь сели за стол. Чокались. Смеялись. Зиночка оказалась рядом с Дроботом. Набравшись храбрости, она попросила:

– Виталий Андреевич, расскажите что-нибудь из своей боевой жизни.

– Ведь я уже рассказывал. А Лимаренко в книге все описал. Неинтересно повторяться.

– А вы что-нибудь такое, о чем нет в книге...

Все притихли в ожидании интересного рассказа.

– Хорошо, – согласился он. – Слушайте... об одной любви. Войну я начал в Брестской крепости. После ее падения раненый попал в плен. Поместили нас в концлагерь... Голое поле, обнесенное колючей проволокой...

Решение бежать возникло стихийно. Никто ничего не организовывал. Поэтому и кончилось все это неудачей. Когда смельчаки прорвали два колючих ряда, за ними хлынул весь лагерь. Захлебывались сторожевые пулеметы. Завывали собаки. Но мы, не чувствуя ног, рвали вперед. Без плана... без цели... лишь бы подальше от страшного лагеря. Но через два-три дня бежавшие вновь очутились под замком. На этот раз проволоку заменили решеткой. Это был ад. Зачинщиков побега ждал расстрел. Терять было нечего. Мы стали готовиться к новому побегу. Но между нами оказался подлец, который струсил и предал.

Воспоминания бередили в душе Виталия Андреевича старые раны. Он замолчал, нервно покусывая нижнюю губу. Прищуренные глаза смотрели в далекое прошлое.

– Да, подлец! – с ударением повторил он. – Говорят, с детства искал легкой жизни. Окончил техникум – пошел продавать газированную воду. В армии, как в наряд, – у него освобождение. На работу – у него расстройство желудка. А здоровенный верзила. В первый же день обороны крепости его царпануло осколком, и он забился в подвал, где размешалась санчасть. Как он потом попал в плен – не знаю. Пытался бежать вместе с нами. Струсил и... выкупил свою шкуру ценой жизни товарищей.

Виталий Андреевич потерял нить рассказа и замолчал, но ему напомнили:

– Так вам тогда бежать и не удалось?

– Нет. Нас взяли в последнюю минуту. Не буду говорить об ужасах, которые выпали на долю беглецов. В числе прочих я оказался наименее пострадавшим. Но вот следы тех дней.

Резким движением он протянул над столом левую руку. Первые суставы пальцев были обрублены, и ладонь казалась непомерно широкой. Кто-то тихо ахнул. Зиночка онемела. Она не впервые видела эти изуродованные пальцы, но сейчас, над праздничным столом, они выглядели особенно страшно. В ее сердце неожиданно вспыхнула тоскливая девичья жалость.

Виталий Андреевич продолжал:

– Вырваться на свободу мне удалось только через год, когда на военные заводы потребовались выносливые рабы. Бежало с поезда много, уцелело трое. Почти неделю мы скитались по лесу, боясь появиться в селе. Голод заставил нас выйти из чащи. Двое моих товарищей погибло от полицейских пуль. А я забился в дебри леса и приготовился к смерти. Но мне суждено было жить.

Замечательная девушка, связной партизанского отряда, Ниночка Дубовая, нашла в лесу теряющего сознание человека. Протащив меня на своих худеньких плечах километров двадцать, она добралась до базы отряда. Но я бы все равно умер от потери крови, если бы не она. Ниночка дала мне свою кровь и буквально вынянчила меня. Да разве одного меня? Для многих в отряде она была сестрой, матерью, а по авторитету – чуть ли не второй командир отряда.

Выздоровев, я вместе с Ниной работал в разведке. Полтора года плечо к плечу.

Нину я полюбил с первого дня. Потом и она меня... Мы должны были пожениться, но... Нина пропала без вести вместе с группой партизан.

Он замолчал. В тишине медленно пробили одиннадцать ударов большие кабинетные часы.

– Но Нина Владимировна не погибла! – воскликнула Зиночка, которая знала судьбу всех героев любимой книги.

– Да! Когда Лимаренко писал повесть «Дорогою подвига», Нину считали погибшей. Только позже мы узнали, что группа партизан, где была и она, попала в засаду бандеровской банды. Нину тяжело ранило и контузило взрывом гранаты. К счастью, бой постепенно отошел в сторону от этого места, и бандеровцы не добились ее, как это они обычно делали с пленными. Ниночку подобрала жителя соседнего села и вывели. Три года назад она окончила юридический институт и сейчас работает следователем в Рымниках.

Оптимистическое окончание рассказа вернуло веселое настроение. Зиночка, улыбаясь, поднялась из-за стола с рюмкой вина.

– Говори, говори, Зиночка, – подбадривали ее со всех сторон.

– Я... я сегодня такая смелая, что прошу меня извинить. Давайте выпьем за героя-партизана, за нашего дорогого Виталия Андреевича и...

– Шампанского!

– Выпьем!

– Ур-ра Зиночке и Виталию Андреевичу!

– ...и за Нину Владимировну Дубовую.

Растроганный рассказчик встал, хотел что-то сказать, но вместо этого повернулся к девушке и поцеловал ее в лоб.

– Спасибо вам всем за внимание, но, право, я этого не заслужил...

– Скромничаешь, Виталий, скромничаешь, – рокотал бас Николая Севастьяновича. – За героев-партизан! Все и до дна. Вероника Антоновна...

– Я не могу больше. Право...

– Нельзя. Такой тост...

Вероника Антоновна вынуждена была выпить. Еще чокались, еще шумели. Снова начались танцы. Виталий Андреевич подошел к Веронике Антоновне:

– Отдохнули? Разрешите пригласить...

Калинович попыталась встать, но у нее закружилась голова. Глаза стали мутными.

– Н-не м-могу!

– Выпейте нарзану и идемте. Все пройдет.

Она послушно выпила из поданного стакана, но осталась сидеть.

– Нет, не могу... Иди... Я потом...

– Не могу же я так вас оставить. Может быть, отвести в соседнюю комнату? Там отдохнете.

– Н-нет.

Виталий Андреевич направился к Зиночке. Теперь все внимание он уделял ей. Танцевали танго. Виталий Андреевич взглянул на часы. Поморщился. Схватился за грудь:

– Зиночка, мне немножко не по себе.

Девушка заволновалась:

– Надо выйти на свежий воздух. Я вас провожу.

– Нет, нет. Я один. Неудобно будет. Еще что-нибудь подумают. Лучше всего, если моего отсутствия не заметят. Постарайся, котик, – и вышел.

Маятник часов отсчитывал секунды, минуты. Но Виталий Андреевич не возвращался. Зиночку начало одолевать беспокойство: «А вдруг с ним что-нибудь случилось?»

Постояла. Подумала. Вышла в коридор, но около входной двери остановилась. В голове шумело, и девушка никак не могла сообразить, чего ей не хватало. Сердце выбивало тревогу. Вернулась в комнату.

Наконец дверь распахнулась, и вошел бледный Виталий Андреевич. У девушки отлегло от сердца: «Слава богу!»

– Голова кружится. Еле отдышался, – сказал он Зиночке, которая бросилась ему навстречу.

– Вот, Виталий Андреевич, костюм свой запачкали, – показала она на рукав. – Теперь в чистку придется отдавать.

– Ерунда. Вычистится Это, Зиночка, не жизнь человеческая...

Веселье продолжалось. Вечер затянулся. Вернее, это был уже не вечер, а ночь. Потом утро. Светом и уличным шумом проник в комнаты новый день.

– Семь часов! Расходись по домам! – объявил Виталий Андреевич.

Все вдруг почувствовали усталость. Гостей потянуло на отдых. Зиночка волновалась больше всех:

– Я обещала маме, что буду не позже часа ночи.

– Меня Мария, поди, тоже заждалась, – вздохнул Виталий Андреевич.

– Это только у плохого хозяина гости раньше утра разбегаются, – шутил Николай Севастьянович. – А у меня все в идеальном порядке. Вина еще на один вечер хватит. Закуска есть, музыка не умолкает. Может быть, останетесь? По глазам вижу, что Зиночка согласна.

– Нет, нет! – поспешно запротестовала Зиночка. – Мама будет беспокоиться. Спасибо, Николай Севастьянович, большое спасибо за все. Я сейчас такая счастливая, такая счастливая... просто глупая.

Взволнованная речь Зиночки вызвала дружный смех.

Виталий Андреевич развез своих сотрудников по домам. Зиночка жила дальше всех, поэтому Дробот отвозил ее последней. Она сидела рядом с Виталием Андреевичем, притихшая, украдкой поглядывая на него. Он почувствовал ее взгляд.

– Что смотришь, котик? Седины мои считаешь?

Зиночка молча положила руку на руль рядом с его исковерканной ладонью.

* * *

Входная дверь в квартиру Куреневых оказалась запертой, Зиночка силилась отпереть ее, но руки отказывались ей повиноваться.

– Дай-ка я попробую, – мягко отстранил ее Виталий Андреевич.

Он легко, без усилий повернул ключ, и они вошли в полутемную кухоньку.

– Можно, я посижу у тебя немного? – ласково спросил Дробот.

– Конечно, Виталий Андреевич. – Зиночка протянула руку за его плащом.

Виталий Андреевич присел на самодельную кушетку. Здесь днем обычно отдыхала Пелагея Зиновьевна.

Зиночка хотела зажечь свет, но он перехватил ее руку:

– Не надо, пусть будет так.

Не выпуская руки Зиновьевны, он медленно наклонился и коснулся губами ее ладони. У девушки затрепетало сердце, щеки запылали, в голове зашумело. Она инстинктивно сделала шаг назад.

Неожиданно Виталий Андреевич притянул ее к себе. Его рука обхватила мягкую шею, рот впился в Зиновьевныны губы.

На секунду она вырвалась из объятий.

– Виталий Андреевич... Виталий Андреевич... – чуть слышно говорила она, не то моля отпустить ее, не то подчиняясь...

Гость в широком сером пальто

Сутки, как пани Полонская проводила в Пылков Нину. Все существо ее еще жило впечатлениями тревожного расставания. Старушка без устали шептала молитвы, поглядывая на разрывающего свое сердце Иисуса Христа. Она молила его заступиться за ее названую дочь Нину, уберечь ее от напасти. Целые сутки пани Полонская не отлучалась из дому, ожидая что вот-вот вернется Ниночка.

Поэтому-то тихий стук в дверь и не удивил ее. Изменив своей привычке заглядывать в глазок на входящих, прежде чем их впустить, она смело открыла дверь и сразу же испуганно попятилась. На нее надвигался большой чемодан в чехле. Вслед за ним в переднюю протиснулся мужчина в широком сером пальто.

Поднятый воротник закрывал лицо гостя снизу. Велюровая шляпа прикрывала лоб. И единственное, что можно было заметить сразу, – это нос, на котором сидели огромные очки.

– День добрый, пани Полонская!

Гость поставил чемодан и вежливо поцеловал морщинистую руку оторопевшей хозяйки. Гортанным говором, манерой одеваться и вести себя он напоминал поляка.

Появление незнакомца напугало старушку. Не закрывая входных дверей, она нарочно громко спросила:

– Чего пан хце? Я, прошу пана, не знаю вас.

Гость с сыновней предупредительностью тщательно закрыл двери.

– Сквозняк. Можно простудиться. Неужели пани Полонская забыла меня? Я был у Нины всего четыре месяца назад. И даже ночевал.

– Ян!

– О! Пани Полонская узнала меня! Ян. Конечно, Ян.

Полонская всматривалась подслеповатыми глазами в пришельца, узнавая и не узнавая его. «Я забыла его лицо, – думала старушка. – Вот когда я была молодой...»

А гость чувствовал себя в маленькой гостиной как дома. Раскрыв чемодан, вынул бутылку, поставил ее на стол. Вслед за бутылкой на столе появились коробочки, кулечки, пакетики. Еще один сверток гость подал хозяйке:

– Прошу пани Полонскую принять от нас с Ниной подарок.

– От Нины!

Старушка с волнением развернула пакет. К ее необычному недоумению и радости, там оказалось черное атласное платье.

Погребальное! Именно о таком она и мечтала. Ей было восемьдесят девять лет. Еще два года тому назад к ней во сне явилась покойная мать и напомнила: «Собирайся! Я скоро за тобой приду». И Владислава Полонская готовилась. Купила чулки, сшила себе белье. Но о погребальном платье старая женщина пока только мечтала. Она часто вела с «дочкой» разговоры о скорой кончине, завещая похоронить себя «обязательно по-польски». Кто еще, кроме Нины, так трогательно мог позаботиться о ней!

Лаская шершавой рукой подарок, любуясь им, старушка будто помолодела. Улыбка слегка разгладила глубокие морщины на лбу и щеках. Полонская доверчиво взглянула на гостя.

– Мы, пани Полонская, решили с Ниной венчаться, – продолжал гость.

Хозяйка чуть не уронила драгоценный подарок.

– Цо?!

– Венчаться будем. Ксендз уже объявил две заповеди³. Третья будет, как только вернусь в Пылков.

³ По католическому и униатскому обряду перед венцом «выголашивают» (объявляют) три воскресенья подряд о предсто-

– Нина берет в костеле шлюб!

Эта новость была для пани Полонской равносильна второму пришествию Христа. Нина была «большевичка» и в Бога не верила, хотя к вере своей хозяйки относилась с уважением. По святым дням она не работала («писанину» набожная католичка не считала делом). Бывая в костеле, пани Полонская молилась долго и усердно, зная, что по возвращении ее ждет хорошее угощение, которое продолжит божий праздник и превратит его в мирской. Но при всем том сходить в костел, хоть разочек, Нина отказывалась.

– На заповеди я подал без Нины, – уточнил гость. – Так что не знаю, согласится ли она пойти в костел.

Старушка все это перетолковала на свой лад: «Любятся! Вот и не хотят обижать друг друга, уступают». Натешившись вдосталь подарком, она бережно повесила его в ветхий шкаф.

– А где же Нина? Почему она не приехала?

– Сейчас, сейчас, пани Полонская, все объясню, – успокоил ее гость.

Он ловко раскупорил бутылку вина, открыл банку сардин и вынул из бумаги нарезанную колбасу.

– Прошу пани Полонскую поджарить чуть-чуть эту колбаску Мы с вами выпьем по рюмочке хорошего вина. Я сегодня очень счастливый. Ниночка наконец согласилась выйти за меня замуж. Сейчас она в Пылкове. Я привез вам от нее письмо.

Старушка взяла колбасу и, направляясь в кухню, заметила, как гость, аккуратно смахнув со стола в руку сургуч, облетевший с бутылки, сунул его в карман пиджака.

«Какой чистоплотный мужчина, – думала она, взясь около плиты. – Дай Бог Ниночке счастья за ним. Хороший человек, сразу видно по обхождению».

Вскоре зарумянившаяся колбаса стояла на столе. Пани Полонская чинно восседала в своем старом кресле, с одобрением поглядывая на гостя, который разливал вино.

– Пейте, пани Полонская, – пододвинул он ей рюмку. – За наше с Ниночкой счастье.

Порозовевшая от избытка чувств Полонская отпила глоток. Гость налил еще:

– Кушайте, пани Полонская, кушайте.

– Прошу пана Яна, пусть он сам кушает. Я-то дома, а пан Ян с дороги и проголодался.

Пан Ян достал из кармана конверт:

– Вот вам письмо от Ниночки.

Полонская развернула сложенный вчетверо листок. Ян предупредительно подал ей очки. Надев их, пани Полонская, к величайшему своему сожалению, убедилась, что записка написана по-русски.

– Переведите мне, пан Ян, что тут написано, – она передала ему листок.

Гость охотно исполнил ее просьбу:

«Простите меня, пани Полонская. Уезжая, я постеснялась сказать вам, что выхожу замуж за Яна. Вы его знаете. Он был у меня однажды. Мы очень любим друг друга. Я к вам вернусь, наверное, недели через две. А пока у меня есть свободное время, хочу позаниматься. Отдайте Яну все мои книжки и тетради. Еще раз извините меня за то, что не приехала за ними сама. Они тяжелые, пусть он за женой поухаживает...

Целую вас, Нина».

У Полонской выступили на глазах непрошеные слезы. Как это похоже на Нину. Неделя до свадьбы, только бы и любиться, а она хочет «позаниматься».

Гость вдруг спохватился, вспомнив, что ему еще надо зайти в одно место, а потом купить билет на обратный поезд.

– Давайте, пани Полонская, сложим быстренько все книжки в чемодан.

На минуту у старушки вспыхнуло неясное подозрение. И попроси гость Нинино пальто или платье, она бы не дала. А бумаги... «Нина и сама как-то сжигала их. Да и Ян теперь ее муж. Он настоящий, благородный мужчина». Хозяйка вспомнила подарок, письмо, и сомнения ее рассеялись. Она вздохнула и стала помогать упаковывать книги и тетради. Быстро опустела маленькая этажерочка. Ян удовлетворенно потер руки:

– Тороплюсь, пани Полонская, но мы еще увидимся. Мы с Ниночкой приедем к вам после свадьбы.

Надев пальто, гость мимоходом сунул в карман пустую бутылку, банку из-под консервов, бумажки, освободившиеся от сыра и колбасы.

– Спокойной ночи, пани Полонская.

Он нагнулся, поцеловал ее руку. Нахлобучил на глаза шляпу. Поднял воротник. И ушел.

«Какой благородный... Дай Бог им счастья». Старушке еще раз захотелось взглянуть на подарок от «дочки». Она подошла к шкафу, открыла скрипучую дверцу и... не поверила своим глазам. Драгоценное погребальное платье – подарок Нины – исчезло. Пани Полонская трясущимися руками наложила на себя крест и начала громко читать молитву.

– Верую во единого Господа Бога...

Она прочитала «Верую», «Отче наш», «Молитву от соблазнов», прося пана Бога освободить ее от дьявольского наваждения. Но и после этого платье не появилось.

«А вдруг его и не было? Может быть, все это показалось?.. Но Ниночка писала... Надо прочитать ее записку... Куда я ее положила?..»

В растерянности она забыла, что Нина писала письмо по-русски. «Да! Ян читал его и не вернул», – вдруг вспомнила она.

Ян унес с собой не только письмо и книги, но и остатки ее спокойствия.

Странная кража

Проснулась Вероника Антоновна с головной болью. В горле пересохло. Хотелось пить. Она с трудом открыла глаза и только тут вспомнила, что она в чужом доме.

«Угораздило... Будто никогда вина не видала».

Встала с дивана. Пригладила растрепанные волосы. Стараясь не шуметь, вышла в коридор. Но уйти незамеченной ей не удалось: из столовой вышел Николай Севастьянович:

– Никак уходить собрались, Вероника Антоновна?

Щеки Калинович порозовели от стыда.

– Извините, Николай Севастьянович, нехорошо у меня получилось. Пригласили на праздник, а я...

– Пустяки! С каждым может случиться. Зря вы уходите. Сейчас бы пообедали. А вечером опять все соберутся.

– Спасибо, Николай Севастьянович, за гостеприимство. Но я пойду домой. Отдохнуть надо.

– Зря. Право, зря, – помогая ей одеться, говорил Николай Севастьянович.

К своему дому Вероника Антоновна подходила тяжелой походкой больного человека. На душе было противно. Обижалась на Дробота: «Напоил», сердилась на себя: «Забыла меру... И Зинка, дуреха, кажется, влюбилась в него».

Вот и дверь квартиры. Вероника Антоновна достала из сумочки ключи. Длинный, с резной бородкой – от внутреннего замка. Теперь надо и маленький, плоский ключик от шведского замка повернуть два раза. Но ключ повернулся всего на пол-оборота, и дверь открылась! Вероника похолодела: «Обокрали!»

Она распахнула дверь, пробежала через кухню, с лихорадочной быстротой отворила дверь в спальню, бросилась к шкафу и рывком открыла его.

Несколько летних платьев, плащ, костюм и, главное, только к прошлой зиме купленная шубка «под котик», заботливо зашитая в старую простыню, – все висело на месте.

«Деньги!» – Вероника Антоновна метнулась к тумбочке. Там, в верхнем ящике, у нее было четыреста двадцать рублей. Десятирублевые купюры так и лежали на своем месте.

Вероника Антоновна стала успокаиваться. Видимо, она просто по рассеянности не заперла на шведский замок.

Она подняла сумку, уроненную в спешке. Оттуда на пол выпала фотография Юзыка. Вероника Антоновна задержала взгляд на лице брата. И невольно вспомнила, каким образом попала к ней эта карточка. Ее привез товарищ Юзыка из Польши вместе с письмом. Кароль оставил у Вероники Антоновны свой паспорт и чемодан, пообещал скоро прийти за ними. Но до сих пор чемодан так и лежит под ее кроватью.

Вероника Антоновна даже наклонилась и заглянула под кровать. И тут ей чуть не стало дурно: чемодана не было!

От ужаса она села прямо на тонкий ковер, как была – в пальто и в шляпе, прижимая к груди сумочку, не в силах осознать случившееся.

Чужой чемодан! Ничего из ее вещей и... чужой чемодан! Кто поверит, что вор украл именно чужой чемодан? Что она скажет Каролю?

Наконец она встала, заперла квартиру, разделась и стала еще раз, уже медленно осматривать спальню – длинную, с одним окном комнату.

Теперь она увидела, что с тумбочки исчез ее старый семейный альбом. Кому он мог понадобиться? Хорошо еще, что, желая похвастать красивым братом – польским офицером, она взяла с собой фотографию Юзыка. Но остальные фотографии... И... чужой чемодан!

Надо что-то делать... Пойти в милицию! Должны же найти!

Она схватила пальто, впопыхах не попадала в рукава.
Скорее!.. Скорее!..

* * *

В кабинете полковника государственной безопасности сидела посетительница. На ней было пальто безукоризненного покроя. Шляпа последнего фасона. В одной руке она держала коричневую сумочку мятой кожи, в другой – такие же перчатки. Худенькое, продолговатое лицо было чисто и неестественно бело, – по всей вероятности, женщина употребляла специальный косметический крем.

Однако Аркадий Илларионович Иванилов заметил не только это.

Прежде чем сесть, женщина привычным движением откинула полу пальто. Волнуясь, сняла с платья какую-то ниточку, скрутив ее в пальцах. Видно, модное пальто, изящная сумочка и все прочее досталось посетительнице нелегко и поэтому тщательно оберегается.

Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, она рассказывала о брате, о Кароле, о проклятом чемодане. Полковник спокойно слушал, стараясь попутными вопросами навести ее на главную мысль.

– Давно вы расстались с братом?

– С тех пор, как он ушел в армию. Юзык служил в польском войске, а после службы остался в Кракове. Там он женился. Вдруг ко мне пришел Кароль и передал письмо от Юзыка и эту фотографию.

– Письмо у вас?

Нервным движением женщина достала из сумочки крошечный платочек, от которого по кабинету разлился едва уловимый тонкий аромат духов.

– Оно лежало в альбоме. Альбом украли. Но главное – чемодан...

– Вы не скажете, как оно выглядело?

Женщина задумалась, припоминая:

– Выглядело?.. Обыкновенно. Напечатано на машинке. Юзык писал, что он работает в редакции газеты. Научился печатать и решил передо мной похвастать. Я ведь по специальности машинистка, а заведующей отделом кадров работаю совсем недавно, всего второй год.

– Почему Кароль остановился у вас?

– В гостиницах не было мест. Он сказал, что он торговый агент, поэтому часто бывает в Польше. С Юзыком познакомился в Кракове.

– Когда он пришел к вам?

– В конце сентября. Он жил недели две. Потом ушел. А за чемоданом обещал прийти через несколько дней.

– Кароль не говорил, куда он собирается ехать?

– Я не спросила. Ах, если бы я могла знать... – женщина поднесла платок к глазам.

– Скажите, Вероника Антоновна, когда ваш брат демобилизовался из армии?

– В сорок седьмом году.

– Прошло пять лет. А на карточке Иосиф Антонович в военной форме. Вам это не кажется странным?

– Я сама уже об этом думала. Хотела спросить у Кароля, почему Юзык не прислал новую. Мне хотелось посмотреть на него с женой. Но Кароль все не приходит. А сегодня...

– Вы поступили неосмотрительно, пуская к себе незнакомого человека.

– Но он же привез письмо от Юзыка!.. А в гостинице не было мест... И потом – он дал мне паспорт. Вот, – она достала из сумки документ и протянула полковнику.

Иванилов просмотрел паспорт и положил его рядом с собой.

– Нельзя было доверять письму, напечатанному на машинке. Вы поступили неосторожно.

Вероника Антоновна смутилась:

– Если бы пропали мои вещи. А то ведь чужой чемодан... И я сейчас же пошла в милицию. Оттуда меня направили к вам.

Полковник поднялся, нажал кнопку звонка.

– Очень правильно в милиции сделали. Понимаете? Очень правильно, – повторил он значительно.

– Понимаю, – тихо сказала Калинович.

В дверях бесшумно вырос дежурный.

– Проводить посетительницу в комнату ожидающих. – Пожимая ей руку, Иванилов сказал: – Надеюсь, Вероника Антоновна, вас не надо предупреждать, чтобы вы ни с кем из посторонних не разговаривали о случившемся.

Калинович наклонила голову:

– Этот случай заставит меня быть осмотрительной.

– Вот и отлично.

Полковник проводил ее до дверей.

* * *

В первый же день по приезде майора Наливайко из Киева, где он участвовал в соревнованиях по боксу, его вместе с капитаном Долотовым вызвал к себе полковник Иванилов.

Майор – высокий, статный украинец, родом из Днепропетровска – был праправнуком славных запорожцев. В отличие от боевых предков он начисто брил усы и оставлял на голове кудрявую шапку волос. Когда Наливайко смеялся, карие глаза его хитровато прикрывались густыми темными ресницами. Всегда подтянутый, он обладал богатырским здоровьем и отличался казацкой хваткой в работе. Те операции, в которых надо было проявить ловкость, находчивость, силу, – всегда поручали ему.

Полковник с удовольствием оглядел его богатырскую фигуру.

– Вы, кажется, окончательно переходите в тяжелый вес? Ну как соревнования в Киеве?

– Полуфинал выиграл, финал проиграл.

– Кому?

– Да все ему же, Авраменко. Классный боксер. Отлично работает и на короткой, и на длинной дистанции. Но я его все равно побью.

– Ну и упорства у тебя, Сергей Петрович, – усмехнулся капитан. – На целый взвод хватило бы. Авраменко моложе тебя, сильнее. Техника у него непревзойденная. А ты не отступишь.

– И я уверен, что майор все-таки выиграет у него, – поддержал Наливайку Аркадий Илларионович.

– Обязательно. Через три недели мы едем в Москву на всесоюзные соревнования. Буду присматриваться к его тактике. Умная, маневренная. Но я должен ее понять – и пойму.

Полковник улыбнулся, и, перехватив эту улыбку, засмеялся и сам Наливайко:

– Понимаю. Кажется, не придется мне ехать на соревнования. Ну, что у вас тут произошло?

– Капитан ввел вас уже в курс дела?

– Немного.

– Он вам доскажет остальное. А сейчас я вам покажу нечто новое. После доклада лейтенанта Сокола нам необходимо было узнать о всех квартирах в тупике Песчаном, где в первой половине октября проживали проезжие. В одиннадцати домах таких квартир оказалось четыре: одна в доме № 3, одна в доме № 6 и две в доме № 10. Мы предполагали, что одна из

этих квартир могла служить явкой. Так вот. Теперь я вам могу сказать совершенно точно: явка была в квартире Вероники Антоновны Калинович.

Полковник раскрыл паспорт, принесенный Калинович, и передал его капитану:

– Посмотрите, Иван Иванович, на фотографию. Не правда ли, удивительное сходство?

Долотов взглянул на карточку и сразу же вскинул глаза на полковника:

– Замбровский?

– Совершенно верно. Замбровский. Я полагаю, что загадку с неизвестным парашютистом можно считать разгаданной. Будем разгадывать остальные. К сожалению, мы до сих пор не можем допросить его. А ждать выздоровления не имеем права. Необходимо продолжать начатые поиски. Нити к шпионской организации идут через Калинович, хотя сама она и не причастна к этому делу. Как вы думаете, Иван Иванович?

– Замбровский, конечно, не случайно остановился именно у нее. Кто-то дал ему ее адрес, помог достать фотографию брата, подсказал характер ее взаимоотношений с братом. Поэтому необходимо присмотреться к людям, с которыми Калинович общается.

– Насколько я понял, – включился в разговор Наливайко, – выкрали только чемодан, а паспорт и фото остались у Калинович. Это улики. За ними должны еще прийти. Поэтому, кажется, есть смысл продолжать наблюдение за квартирой Калинович.

– И не только за квартирой, – поддержал Иванилов предложение Наливайко. – Ведь Калинович – свидетель. А свидетель им не нужен. Поэтому мы сейчас должны взять под охрану ее жизнь. Это я поручаю вам, майор. Сокол и Звягин будут вам помогать. Капитану придется заняться изучением круга знакомых Калинович. Вы не возражаете?

– Нет, – ответил капитан.

– Тогда приступайте к делу. Я, со своей стороны, постараюсь узнать о судьбе Иосифа Калиновича и свяжусь с Римниковским управлением, на территории которого, по всей вероятности, размещается одна из групп шпионской организации. Иначе незачем было Замбровскому ехать в Римники.

Когда офицеры встали, собираясь уходить, полковник обратился к Долотову:

– Иван Иванович, я попросил Калинович не уходить. Она сейчас в зале для посетителей. Пройдите к ней.

Калинович оказалась толковой женщиной. Она с полуслова поняла, что от нее требуется, и начала рассказывать о себе. Вначале это был сухой перечень дат и имен, который можно найти в любой автобиографии: «Родилась... Занятия родителей... Вышла замуж... Работаю...» Покончив с биографией и рассказав еще раз всю историю кражи, она остановилась, ожидая вопросов капитана. Она думала, что, так же как полковник, он будет интересоваться подробностями преступления. Но капитан стал спрашивать о детстве, о жизни во время войны, о работе, о праздниках. Неожиданно для себя самой Вероника Калинович заговорила так, как давно ни с кем не разговаривала. Очень уж добрые глаза смотрели на нее, очень уж много было в них участия.

– Мать у меня была хорошая. Но она умерла, когда я была еще ребенком. Отец взял мачеху. Я ушла из дому. Работаю с одиннадцати лет. В тридцать девятом году вышла замуж. Мужу было сорок четыре года, мне – двадцать четыре. Правда, он оказался очень добрым человеком. Но через год началась война, он попал на фронт. И не вернулся. На этом и окончилось короткое бабье счастье. И опять одна и одна. Есть брат. Но с ним мы живем все время врозь.

– А друзья?

– Друзья? – неуверенно переспросила Калинович. – Настоящие?.. – Она вспомнила Дробота, праздничный вечер, Зиночку. Еще вчера она бы сказала: «Да, есть», но сейчас что-то мешало ответить так. – Не знаю... Кажется, не было.

Капитан почувствовал, что он затронул интимную сторону ее жизни.

– А были люди, которые хорошо знали ваше прошлое и настоящее, ваши взаимоотношения с братом?

– Я из своей жизни не делала тайны. Все знали обо мне всё.

– И даже то, что вы считаете свою жизнь неудачной?

Калинович медленно подняла на него глаза.

– Я не люблю плакаться.

Да, видно, большего ему сегодня не узнать. Вероника Антоновна замкнулась и на все остальные вопросы отвечала односложно: «Да», «Нет».

Из этого разговора Иван Иванович понял главное: Калинович всю жизнь старалась «держаться». Он проникся уважением к этой женщине, которая всем в жизни обязана только себе. Да, такую не пожалеешь. Молодец.

На прощание он сказал ей:

– Нам, вероятно, с вами еще придется встречаться. Благодарю вас за искренность.

Дома она снова почувствовала себя одинокой. Ей все осточертело, и было только одно настойчивое желание – лечь в постель и больше никогда не вставать. Забыть проклятый свет, на котором человека ждут одни муки, забыть человека, который сначала вел себя по-рыцарски, а теперь держится как последний прохвост и обманщик. Да и зачем ему ее любить? В тридцать шесть лет все еще искать идеальную любовь! Глупо надеяться найти в жизни то, что бывает только в книгах. В памяти всплыли не раз слышанные строки:

Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.

Наверно, всю жизнь сердце будет тянуться к хорошей и большой любви. А ведь есть, есть на свете счастливые люди. И не далеко за примером ходить: Софья Заячневская, подруга детства и девических лет. Они вместе пасли коров. Вместе ушли в большой город искать счастья. Служили: Вероника у ксендза, Софья у адвоката. В редкие встречи мечтали о замужестве, копили злоты на высокую, как копна, большую перину, подушку и одеяло. В тридцать девятом году эта мечта осуществилась. Вероника, на зависть Софье, которая была старше подруги года на два, первая вырвалась из чёртового колеса – вышла замуж. Господи! Если бы знала, что несчастья только начинаются, ни за что не пошла бы за этого старика... Но спасибо и ему. Заставил молодую жену подучиться грамоте, купил старую машинку, и Вероника по восемнадцать часов просиживала за ней – выстукивала по клавишам до одури, до тошноты. Став опытной машинисткой, она и сейчас подрабатывала себе на платья, на шубку, на модные туфли.

Подруга оказалась счастливее Вероники. Ее муж – веселый молодой лейтенант – увез жену на Дальний Восток и помог ей окончить техникум.

Первое время разлуки подруги переписывались аккуратно. Потом переписка оборвалась. Месяцев восемь назад Вероника неожиданно получила от Софьи письмо. Обрадовалась, написала ответ... но не отправила. Почему? И сама не знает. Так просто. Забыла отнести на почту...

«Разве ответить сейчас? Может быть, на душе полегчает».

Вероника Антоновна под села к столу, сняла чехол с запылившейся машинки.

Нервные, беспокойные мысли ложатся на бумагу неровными, рваными строчками – машинка работает с перебоями. Наконец письмо окончено. Калинович заклеила конверт и сразу же успокоилась, как будто вместе с листком бумаги она запечатала причину беспокойства.

Теперь она без отчаяния вспоминала о событиях последних дней, невольной участницей которых стала. Больше ее не поймут на фальшивке. Шалишь! Пусть только явится этот Кароль, она с ним поговорит как следует!

Выстрел в упор

Через день, явившись к полковнику с докладом, Долотов почувствовал что-то неладное. Начальник отдела, зажав в руке погасшую папиросу, мрачно шагал по кабинету. Майор Наливайко, видимо только что пришедший, обменялся с капитаном непонимающим взглядом.

– Очень кстати пришли, капитан, – сказал полковник. Голос его звучал глухо, тон был подчеркнута официальным. – Есть новое дело. Вот, знакомьтесь, – полковник открыл тоненькую папку. – Девятого ноября в 7 часов 50 минут по улице Романюка, в канаве, возле дома номер пятнадцать, обнаружена мертвая женщина. К месту происшествия был вызван гражданский следователь. Он установил убийство с последующим ограблением. При обследовании и фотографировании местности обнаружены от дороги к канаве четыре следа, сильно пострадавшие от дождя. С них сняты стереотипные слепки. Все это сделано правильно. Но уголовный отдел непростительно долго не мог опознать убитую. Это сделали только сегодня утром, то есть два дня спустя после убийства. Жертвой оказалась Нина Владимировна Дубовая.

Капитана охватило волнение. Еще недавно, приглашая Дубовую в Пылков к Иванилу, он почувствовал в ней человека большого личного обаяния. И сейчас не мог без горечи думать, что ее нет в живых.

– Имеется в деле и заключение экспертизы, – продолжал полковник. – Стреляли в затылок, в упор, в сторону мозжечка, снизу вверх под углом в сорок пять градусов. Рана сквозная. Как вы оцениваете этот выстрел? – протянул он майору небольшой листок бумаги.

Наливайко внимательно прочитал заключение.

– Пока затрудняюсь определить.

– Экспертизой на теле убитой никаких следов борьбы не обнаружено. Следовательно, можно считать, что ограбление инсценировано и цель преступников – убийство. Зная, что из Рымников на Пылков идет только один поезд – московский, можно утверждать, что Дубовая приехала 8 ноября в 23 часа 45 минут. С вокзала в город она могла попасть трамваем, троллейбусом, такси или частной машиной. Трамвай и троллейбус в район улицы Романюка не ходят. Если бы с нею что-нибудь случилось в такси, то мы бы уже знали. Итак, остается наиболее вероятной последняя версия: Дубовая ехала в частной машине.

– Но почему она в нее села? – не вытерпел майор.

– Ее могли встречать. Вспомним еще раз характер выстрела. Он говорит о том, что обстановка в момент убийства не вызывала подозрения. Обратите внимание еще на одно обстоятельство. Рост Дубовой сто пятьдесят восемь сантиметров. Поэтому в обычном положении в нее бы стреляли сверху вниз, а не снизу вверх.

– Выходит... убийство совершено в тот момент, когда Дубовая выходила из машины! – оживился майор.

– Это вероятнее всего. В машине стрелять было опасно. Следы крови, пробоина в кузове. Убийцы не могли не учесть этого.

– Но зачем Дубовая приехала в Пылков восьмого? – продолжал майор. – Если на праздник, – она выехала бы шестого. Если по делу, то ведь до десятого все учреждения закрыты.

– Я ее приглашал к нам в отдел, хотел привлечь к разбору архива. Она была занята этим же в Рымниках, но обещала, что перед праздниками или после них приедет. Кроме того, у нее в Пылкове есть близкие знакомые, а к ним никогда не поздно... Хотя пока еще ничего не известно, но, учитывая прошлое Дубовой и то, что она до последнего времени работала следователем областной прокуратуры, я предполагаю, что Нина Владимировна стала первой или одной из первых жертв диверсантов. Но почему именно она? Над этим стоит задуматься. Придется нам перераспределить обязанности. Майор сегодня же выезжает в Рымники. Необходимо познакомиться с обстановкой, в которой жила Нина Владимировна. Я уже дал заказ

на арест ее личных вещей. Рымниковское управление должно опечатать ее комнату. Особое внимание надо уделить личной жизни и следовательской работе Дубовой за последнее время. Вам, капитан, придется этими же вопросами заниматься здесь, в Пылкове.

– Товарищ полковник, – сказал майор, – я не сумею одновременно и заниматься делом Дубовой, и наблюдать за теми событиями, которые могут развернуться вокруг Калинович.

– Сокол и Звягин возьмут на себя ваши обязанности. Но вы проконтролируйте их действия, в случае чего – помогите советом.

– Меня заинтересовала такая деталь, – задумчиво произнёс капитан. – Если Дубовая не подозревала о готовящемся покушении, то, по всей вероятности, встречающие (или, по крайней мере, один из них) были хорошо знакомы ей. Следовательно, как и в случае с Калинович, нужно изучить круг знакомств Дубовой: по работе в прокуратуре – сотрудники и те, с кем она могла сталкиваться по долгу службы следователя и депутата областного Совета; по институту – бывшие соученики, преподаватели; и, наконец, по партизанскому отряду.

– Подумайте, взвесьте. Я бы рекомендовал начать с осмотра трупа и подробно изучить все имеющиеся у нас материалы.

– Это само собой разумеется, товарищ полковник.

– Отлично.

Чувствуя, что разговор окончен, Наливайко поднялся с места:

– Разрешите нам идти, товарищ полковник?

– Минутку. Хочу вам еще раз напомнить. Дело серьезное, запутанное. Но тянуть с его разрешением мы не имеем права. Ясно?

– Ясно.

– Тогда идите.

Первые шаги

Прежде всего капитан Долотов тщательно обследовал труп убитой и проверил показания экспертизы.

Ошибки нет. Выстрел из пистолета в упор. Некоторые волоски на затылке закрутились, как от огня. Это следы ожога. Входное отверстие от пули очень маленькое. Калибр пистолета меньше, чем 7,62. Пуля вошла в голову ниже затылочного соединения и, пройдя ее под углом в сорок пять градусов, вырвала часть черепной коробки в темени. Из таких ран кровь обычно вырывается бурным ключом, но не разбрызгивается далеко. Вне сомнения, выстрел был произведен опытной рукой.

Кровь запеклась на волосах. Застыла на лице. Почерневшим кольцом охватила шею. Дальше она почему-то не потекла. Должно быть, в первое же мгновение после выстрела на голову был накинута чехол.

Прежде чем приступить к поискам следов убийцы, Иван Иванович поставил перед собой ряд вопросов, на которые нужно было получить ответы:

1. Обстановка, окружавшая Дубовую с момента приезда в Пылков и до убийства.
2. Возможный путь, по которому везли Дубовую с вокзала.
3. Возможное место убийства.
4. Возможные следы преступления, не обнаруженные гражданским следователем.

Капитан надел большущие резиновые сапоги, комбинезон и, прихватив лопату, отправился на главный вокзал.

Величественное двукрылое здание венчалось высоким круглым куполом. Вокзал как бы олицетворял новое рождение старинного украинского города. Он встречал новичка, приехавшего в Пылков, как полноправный представитель города науки и культуры, города заводов и фабрик и поражал своим большим крытым перроном, просторными, облицованными карпатским камнем выходными туннелями, залитыми солнцем или электрическим светом залами с мраморной колоннадой, многоголосым шумом сотен и тысяч пассажиров.

Даже тот, кто был в Пылкове года два назад, не узнал бы города. Перед вокзалом раскинулась гигантская площадь, заканчивающаяся молодым сквером и аллеей, великолепной даже в зимнем наряде.

Иван Иванович вспомнил 1944 год. От бывшего вокзала оставался только свод над центральным входом. Да и тот был ободран взрывом бомбы. На месте теперешних правого и левого крыла зияли провалы. Люди проходили на перрон по деревянным настилам, опасаясь обвалов. Теперь об этом помнят только старожилы.

Капитан поднялся на ступеньки, ведущие к главному входу. Отсюда открывалась панорама города. Направо, за привокзальной площадью, пыхтел паром, стучал молотами, сверкал электросваркой паровозо- и вагоноремонтный завод. За аллеей сквозь голые деревья виднелись долговязые шпили готических костелов. В отдалении маячила насыпная гора Замостье, застроенная белыми домами старинной архитектуры.

Иван Иванович пошел на стоянку такси, взял машину и, попросив шофера «жать на все обороты», поехал на улицу Романюка. Через восемь минут машина остановилась возле дома номер пятнадцать. Капитан отпустил шофера.

«Восемь минут! А ночью машину не задерживают ни трамваи, ни пешеходы. Значит, при необходимости можно ехать от вокзала до этого места минут пять. Срок небольшой».

Под видом слесаря-водопроводчика капитан начал обследовать сантиметр за сантиметром правую и левую стороны дороги и оба кювета. За три дождливых дня следы, обнаруженные на месте преступления, конечно, не сохранились. Но его интересовали сейчас не отпечатки ног, а гильза. При выстреле из пистолета гильза должна была отскочить в сторону, и убийцы

могли забыть о ней. Ради этой гильзы он проделал огромный труд, прощупал и перетер на пальцах намытую дождями землю в обоих кюветах. Гильзы не было. Это заставляло думать, что выстрел был произведен не здесь. Сюда только привезли труп.

– Добрый день, – услышал капитан.

Долотов обернулся. Перед ним стоял старичок с белесой, давно не бритой бородой.

– Добрый день, отец.

– Газ, что ли, в нашем доме будете ремонтировать? Надо, надо. А то закрыли на самые холода. Нет чтобы такую работу летом сделать, как у хороших хозяев, – до самой зимы затянули.

– Который дом ваш-то? – спросил капитан, усаживаясь прямо на землю.

– Пятнадцатый. Колонка газовая вон там, дальше, – указал старик вдоль улицы.

– Знаю, знаю, отец. Я тут землю прощупываю, не замерзает ли. Копать придется, – кивнул Долотов на лопату.

– Повременить бы еще денька три. Проклятое место! – доверительно наклонился старичок над капитаном.

– Ну?

– Да, да, – подтвердил дед, явно сгорая от желания рассказать что-то.

Капитан достал из кармана комбинезона пачку «Верховины», которую носил всегда при себе, хотя не курил, и предложил старику сигарету, взяв другую себе.

– Спасибо, спасибо, – поблагодарил старик, прикуривая от сигареты капитана, хотя тот зажег спичку. – На этом месте три дня тому назад смертное убийство произошло. Земля теперь должна бы неделю отдыхать. Нельзя ее копать. Обидится.

Капитан с удивлением посмотрел на собеседника. Тот, решив, что ему не верят, с удвоенным жаром продолжал:

– Выхожу это я утром из дома и вижу: белое в канаве. Сослепу думал, что цементную трубу привезли. Подхожу – женщина мертвая. Я испугался. И сразу за нашим дворником, а тот уже вызвал участкового.

– Тут прямо ее и убили?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Это тот знает, кто все в бумагу записывал. Наверное, не здесь. Кричала бы, сердешная, да и пистолет было бы слышно.

– Ну, в такой дождь, какой был три дня тому назад, и пушку бы не было слышно, не то что пистолет.

– Я бы услышал! – горячо возразил старик. – Я ухо имею тонкое. Только вот глаза плохие. А в ту ночь я не спал. Сын ушел с женой на праздник, я их ждал, чтобы дверь открыть.

Старичок еще несколько раз, все время с новыми подробностями рассказывал, как он нашел тело. Этот разговор еще больше укрепил уверенность капитана, что стреляли где-то в другом месте. Но все это ни на йоту не прояснило порученного ему дела, а только подтверждало старые предположения.

Переодевшись, Иван Иванович отправился в отдел и еще раз тщательно проштудировал личное дело студентки Дубовой. Он копался в материалах, разрешениях на сдачу зачетов и экзаменов, в курсовых и дипломной работах. Но никакого нового плана поисков составить не мог. «Остается одно – изучить пылковских знакомых Дубовой. Может быть, кто-нибудь из них натолкнет на правильное решение дела».

Ближайшим боевым товарищем Нины Владимировны по партизанскому отряду и другом во время учебы в институте был Виталий Дробот, бывший командир взвода разведки партизанского соединения полковника Сидорчука, а ныне директор областного Дома народного творчества. Вот с него-то капитан и решил теперь начать обход друзей и знакомых Нины Владимировны.

* * *

Редко удавалось многолюдной семье Наливайко собираться вместе. Работа Сергея Петровича была беспокойная, хлопотливая. Его вызывали иной раз так срочно, что он дообедывал уже на ходу. Или, вернувшись из спорткомбината, где у него состоялась очередная встреча, торопливо заменял спортивный чемоданчик дорожным саквояжем и исчезал на несколько дней. Возвращался уставшим, обросшим. Брился, принимал ванну и ложился отсыпаться.

– Папа спит, – это было командой успокоиться.

Наденька, старшая дочь, запиралась в своей комнате «зубрить латынь» или составлять конспекты к семинарам, к которым она готовилась со всем жаром первокурсницы. Вечно спорящие, шумливые братья-близнецы Миша и Петя садились за стол «решать алгебру». И даже всеобщий любимец, шестилетний белобрысый Вовка, возвратившись из детского сада, избирал наиболее тихие занятия.

Но когда у Сергея Петровича выдавалась свободная минута, в доме становилось весело и шумно. Со всего двора сбегались мальчишки, и майор с самым серьезным видом обучал их «правильной стойке», «двойным ударам», «крюкам» и прочей боксерской технике. Когда эта возня надоедала Екатерине Кирилловне, она без всякого стеснения выдворяла «боксеров» из квартиры:

– Подняли пылищу. Марш на улицу!

Летом шли гонять футбол, зимой собирались в столовой, где Сергей Петрович, к величайшей радости Вовки, демонстрировал диафильмы.

После этого Вовка уходил спать без всякого сопротивления, забирая с собой огромную куклу-пионера и упрасывая мать «только самую чуточку» рассказать про Чапаева или про подвиг разведчика.

Иван Иванович любил бывать у майора. Ему нравилась эта дружная, хлебосольная семья. Вот и сейчас, когда у капитана нашлось несколько свободных минут, он пришел проводить друга в Рымники.

Майор, увидев из окна Долотова, открыл ему дверь.

– Ты всегда ко времени. Меня одного тут голодом моят. Может быть, в твоём присутствии быстрее накормят.

– А ты мне помогал? – донесся из соседней комнаты голос Екатерины Кирилловны.

– Иван Иванович, заступись! Я руководил доставкой дров...

– ...досматривая последний сон, – в тон ему докончила Екатерина Кирилловна.

Она вышла в кухню и крепко, по-мужски пожала капитану руку.

– Ну что же вы забрались в кухню? В комнату заходите.

– А где же ваше семейство? – спросил Долотов. – Что-то тихо у вас сегодня.

– Старшие в школе, а Вовка в детском саду. Еле удалось уговорить мамашу. То всё твердила, что ребёнку нужен здоровый детский коллектив, и определила его в детсад. А теперь она дома, так ей, видите ли, скучно, и она решила сама заниматься им.

– Ну и моралист из тебя, – ласково усмехнулась Екатерина Кирилловна. – Попадись такой к нам в школу – детей уморит.

Требовательно зазвонил телефон, и майор снял трубку.

– Наливайко. Да? Хорошо, – он опустил трубку на рычаг и повернулся к жене. – Ну вот, билет уже заказан.

– Едешь? – тихо спросила Екатерина Кирилловна. – Чемодан твой готов... А сейчас – за стол.

– Ага, все-таки решила накормить, – торжествовал Сергей Петрович.

– Ты тут вовсе ни при чем. Это только ради Ивана Ивановича.

Пока Екатерина Кирилловна ходила на кухню, Наливайко смущенно попросил капитана:
– Ты без меня поможешь Кате? Может быть, машину надо будет вызвать. И меня известишь.

– Конечно, помогу. Кого ждете?

– Дочурку. Зою, – улыбнулся майор.

– Уже и имя придумали.

– Всем гуртом. Дочка одна, а мальчишек трое. Надо же равновесие в семье восстанавливать.

Капитан рассмеялся.

* * *

Майор приехал в Рымники, имея задание уточнить обстоятельства ранения Замбровского, еще раз опросить свидетелей, изъять вещи Дубовой и начать следствие. Кроме того, попутно он хотел установить, могут ли дело Замбровского и дело Дубовой иметь какую-нибудь связь.

Когда Сергей Петрович вышел из вокзала, город еще спал. Липкий снег рваными клочьями метался по улице. На крышах он оседал тяжелым покрывалом, на мостовой превращался в грязь. Чтобы согреться, Наливайко прибавил шагу, на ходу накидывая плащ-капюшон.

В управлении госбезопасности майор должен был дать заявку о вызове на собеседование милиционера, подстрелившего Замбровского, и взять разрешение на вскрытие опечатанной квартиры Дубовой.

Но тут его ждало разочарование. Ему сообщили, что до оперуполномоченного кто-то посторонний успел уже побывать на квартире Дубовой и забрать часть вещей, по всей вероятности, наиболее интересных для следствия.

Около десяти часов утра, выполнив все формальности, связанные с получением ордера на арест вещей, Сергей Петрович уже шагал по улице Стефаника.

Вот и дом номер двенадцать. Майор припомнил запись в своем блокноте: «Владислава Иосифовна Полонская, квартира шесть, вход со двора, вторая дверь направо».

Майор миновал браму⁴, по коридору прошел в узенький цементированный дворик и без труда нашел нужную ему дверь.

Постучал. За дверью царил тишина. Еще раз постучал. Теперь в квартире что-то зашуршало, зажегся свет, и щелкнул глазок.

– Кто то? – с польским акцентом спросил старческий голос.

– Скажите, пожалуйста, Нина Владимировна Дубовая здесь живет?

Майора некоторое время рассматривали через глазок.

– Чего пан хце? Нема Дубовой.

– Извините, пожалуйста, но разве это не квартира Полонской?

– Я Полонска. Цо хцете? Нема Дубовой.

В квартире снова зашуршало, свет погас, и все стихло.

«Ну и характер! – подумал Сергей Петрович. – Придется зайти к дворнику».

Дворником работала женщина. Войдя в ее квартиру, майор предъявил документы. На его вопрос дворничиха удивленно пожала плечами:

– Нины Владимировны нет.

– А где же она?

– Еще в праздник уехала в Пылков и не возвращалась.

– В таком случае мне придется забрать с собой ее вещи.

⁴ Брама – здесь: тяжелая дверь в подъезде дома, которая обычно запирается.

– Вещи? Полонская может их не отдать. Комната Нины Владимировны опечатана, а хозяйка очень напугана после недавнего...

– Я специально и зашел к вам. Вот ордер. Вещи Дубовой конфискуют органы государственной безопасности.

Дворничиха прочитала бумажку и вернула ее.

– Присядьте, товарищ майор.

Сергей Петрович, положив около дверей плащ-капюшон, сел на предложенный стул.

– У нашей пани Полонской случилась беда. Нина Владимировна восьмого уехала в Пылков. На следующий день приехал ее муж и забрал часть вещей.

– Разве Дубовая замужем?

– Она уехала в Пылков и там расписалась или даже венчалась, точно не знаю. Ее муж привез хозяйке записку от Нины и подарок – платье погребальное. А вечером Полонская прибежала ко мне и чуть не плачет. Пропало это платье. Полонская просто убита горем. Не понимает, как это могло получиться. А вчера пришел участковый с каким-то человеком и опечатал комнату Нины Владимировны.

– Странный случай, – согласился майор. – Мне очень хотелось бы поговорить с Владиславой Иосифовной. Я к ней стучался, но она не открывает.

– Она вообще чудачка. Я, товарищ майор, хочу вас предупредить: не называйте ее «Владислава Иосифовна». Рассердится. Лучше всего – «пани Полонская». У нас ее все так зовут.

Присутствие дворничихи помогло, и вскоре Сергей Петрович уже сидел в маленькой гостиной.

Дворничиха отозвала старушку в сторону и пыталась ей что-то объяснить. Та не соглашалась, махала руками, покачивала головой и твердила одно и то же: «Нема, нема». Наконец она стала успокаиваться и поддаваться на уговоры.

– Товарищ майор, покажите ей документы. Она хочет сама их посмотреть.

Полонская вооружилась очками и несколько минут крутила документы в руках. Потом протянула их Сергею Петровичу:

– Прошу пана майора, возьмите. Я по-русски не разумею. Раз пани дворничиха говорит – значит все правильно. Только вещей Нины я не отдам.

Сергей Петрович вынужден был согласиться на эти условия. «Лиха беда начало, а потом можно будет убедить старуху».

Дворничиха ушла.

– Пани Полонская, покажите мне, пожалуйста, комнату Нины Владимировны и вещи, которые остались.

Старушка без слов поднялась и указала гостю рукой на двери в соседнюю комнату.

Майор подошел к ним. Сургучная печать была в целости и сохранности. Тут же висел огромный замок. В отделе госбезопасности Наливайке передали только один ключ от внутреннего замка. Откуда же взялся этот, висячий?

– То, прошу пана, я повесила. Там вещи Нины. Она придет и спросит с меня, а не с пана участкового. Ото я и повесила. Я зараз открою пану майору.

Замок оказался не простым. Под ключом он громко пропел три раза.

«Нинин покой», как называла комнату Нины Владимировны старая полячка, ничего особенного из себя не представлял. Шкаф, кровать, небольшая этажерка, письменный стол. Настольная лампа. Четыре венских стула. На полу ковровая дорожка.

– Вот тут были книги Нины, – подошла хозяйка к этажерке. – Пан Ян забрал их все. И записку от нее увез с собой.

«Пан Ян», это, должно быть, и есть «муж» Нины Владимировны, отметил про себя Наливайко. Он подошел к шкафу и открыл его. В нем висело демисезонное пальто, костюм и несколько платьев.

– А отсюда пан Ян ничего не брал?

– Не, пан Ян забрал только тетради и книги.

«Почему бандита заинтересовали бумаги Дубовой? Какую тайну хранили они в себе, что толкнули диверсантов на убийство и заставили приехать сюда?»

– Вы пана Яна знали раньше?

– Один раз он приезжал к Нине и ночевал здесь.

– А каков он из себя? Как одет?

– Он ниже пана майора, у него серое пальто и шляпа. Он привез мне от Нины платье. Богатое платье. Нина знала, что надо старой полячке. На похороны у меня уже все есть, только платья не хватало. А потом оно пропало.

«Убийца знал не только Дубовую, ее жизнь, ее характер, но и тайные желания ее хозяйки и хитро сыграл на религиозных чувствах Полонской».

Сергей Петрович и Владислава Иосифовна вернулись в гостиную.

– А какое у пана Яна было лицо?

Старушка попыталась припомнить:

– У него был большой нос. А в остальном... Он был поляк. Настоящий поляк.

«Все продумано и аккуратно сделано, – отметил майор. – Побывал бандит в квартире, забрал вещи, что-то делал здесь и никаких следов после себя не оставил. Даже «подарок» унес».

– А когда пан Ян был у Нины Владимировны в первый раз?

– На жнива. Но я старый человек и забыла его.

«На жнива, – размышлял майор. – Это, значит, четыре месяца тому назад».

Наливайко засиделся у старой пани. Она угощала его чаем и с удовольствием рассказывала о всех подробностях жизни Нины. Но когда наконец Сергей Петрович сказал, что должен забрать вещи Нины Владимировны, Полонская наотрез отказалась их отдать:

– Не, прошу пана майора. Вот приедет Нина, тогда и забирайте.

Наливайко всячески намекал, что Нина Владимировна больше сюда не приедет, что с ней случилась беда... Владислава Иосифовна ничего знать не хотела. Когда на престарелую пани не подействовало и обещание составить акт на конфискацию вещей и выдать ей расписку, майор вынужден был раскрыть правду:

– Я вам, пани Полонская, должен сообщить о несчастье. Нину Владимировну Дубовую убили в Пылкове...

– Цо?! Нину забили? Пан майор шутит! Моя дочь выходит замуж!

– Нет, пани Полонская. Я бы не стал так жестоко шутить над вашими седидами. Нину Владимировну убили. А для того чтобы найти убийцу, нужны ее вещи.

Наконец старушка поняла, что гость говорит правду. Некоторое время она молчала, с тоской глядя перед собой и беззвучно шепча что-то. Потом ее глаза заморгали часто-часто. Она через силу поднялась со стула, неверной походкой ушла в комнату Дубовой и вернулась оттуда с пальто и платьями на руках.

– Прошу пана майора, возьмите. Возьмите, прошу пана майора! – Она бережно положила принесенные вещи на диванчик и запричитала, застонала: – Моя дочка! Моя Нина!..

И вдруг разразилась такой бранью в адрес «мардера-убийцы», какой Сергей Петрович никак не мог ожидать от этой слабой старушки. Она пророчила, что «мардер» захлебнется собственной кровью, что его родные дети будут плевать на него, что его труп и в могилу не положат, а кости растащат по белому свету бешеные псы.

Собрав и сложив вещи Дубовой в чемодан, Сергей Петрович отнес их в отдел, созвонился с полковником Иваниловым и сообщил о своих первых успехах и неудачах.

Любовь требует жертв

После того, что произошло в памятное утро, Зиночка являлась в Дом народного творчества с таким чувством, с каким спешат на заветное свидание. И действительно, все восемь часов работы стали для нее каким-то нескончаемым радостным свиданием. Каждую минуту, каждую секунду она чувствовала, что Виталий Андреевич возле нее, вот здесь, в соседней комнате. Десятки раз на день над ее головой зажигалась лампочка, тихонько дребезжал звонок, и Зиночка спешила на его вызов. И если Виталий Андреевич куда-нибудь уходил, все равно для Зиночки он был рядом. Здесь, в этих комнатах, он работал, принимал посетителей, ходил, сидел и даже отдыхал. Поэтому на работу она теперь старалась прийти как можно раньше. Вот и сегодня она явилась за целых полчаса. Навела полнейший порядок у себя в приемной и успела дважды заглянуть в кабинет Виталия Андреевича.

«Чем его можно обрадовать?»

Не придумав ничего, она села на подоконник поджидать машину. Со второго этажа была видна вся улица, которая имела для Зиночки свой голос и свой вид. Там, в глубине улицы, сновали машины и трамваи, а здесь, возле здания областного Дома народного творчества, было тихо и уютно. В окно к Зиночке заглядывал раскидистый каштан. Это старый друг, которому она поверяет все свои девичьи чаяния. Стройное дерево протягивает в окна ветки и приветствует Зиночку: «Как дела, румяная?»

Из-под крыши выпорхнул воробей и уселся на ветке напротив окна. Он пыжится, дуется, как будто хочет обратить на себя внимание: «Чик-чирик, чик-чирик».

– Ждешь? – как к знакомому, обращается к нему Зиночка. – А где же остальные? Ты опять раньше других. Ох и жадный! – журит она воробья, который привык получать по утрам свой завтрак.

Девушка открыла форточку и высыпала на карниз окна горсть крошек. Сразу же невесть откуда налетела стайка серых сорванцов. Ерепенься и, как мальчишки, отталкивая друг друга, они начали склевывать крошки.

От этой веселой сценки Зиночку оторвал телефонный звонок. Она недовольно повернулась к столу.

– Нет, еще не приехал.

Но, должно быть, именно в этот момент и прошмыгнула мимо окна долгожданная серая машина. Виталий Андреевич, хлопнув дверью, очутился в приемной. Зиночку он застал сидящей на краешке стола у телефона.

– Что новенького у нас? Почта пришла? – и прошел к себе в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.